
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ПОВЕСТЬ

Игорь Карлов
(г. Москва)

**ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ
ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР
ГОРБАЧЕВА М. С.**

(Глава из повести)

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Наш постоянный автор.

IX

Так что же им делать? Что всем им делать теперь? Что делать после произошедшего?

Голова шла кругом... Хотелось, но не получалось сосредоточиться, вернуться к некой исходной точке: сегодня столько пришлось передумать, столько пережить, что первоначальный импульс, побудивший каждого из них прийти в общежитие, уже забылся. Потребовалось время, потребовались усилия, чтобы вспомнить, как и для чего они оказались здесь.

Один только Рогов не потерял из виду конечную цель своих действий. Споры нет, гибкостью ума упрямый революционер не отличался, зато сбить его с однажды выбранного пути было трудновато. Остальные, выслушав Машину отповедь, растерялись, размякли, расслабились, но Рогов неуклонно гнул свою линию: «А как же теперь быть с ребенком? А как наши предложения о замужестве?»

Эти правильные по сути, однако казавшиеся сейчас нетактичными, даже пошлыми вопросы будто бы отбросили всех на час назад, в ту безвозвратно ушедшую эпоху, когда они еще ничего не знали друг о друге, да и о себе знали не так уж много. Рогов со своей туповатой прямолинейностью словно резко дернул за невидимый поводок, как иногда собаковод, выгуливающий щенка, раздраженно окорачивает разрезвившегося питомца. Грубый попятный рывок, сдавивший горло ошейником реальности, оказался чрезвычайно болезненным, чрезвычайно обидным и вызвал всеобщее озлобление. Кто-то с недовольным видом отвернулся к окну. Кто-то с досады махнул рукой: «Ну вот, ничего не понял!» Кто-то брюзгливо поморщился: «Зачем он так?! Ведь все было сказано!»

Рогов же, ясно видевший, что возбуждает возмущение окружающих (не понимая, кстати, чем), отступать не собирался. Он был свято убежден в своей правоте, а потому во что бы то ни стало собирался довести начатое дело до конца. Не разобравшись в причинах внезапной агрессии собеседников, Рогов ярился загнанным зверем и от

безысходности ринулся напролом сквозь бурелом этики и здравого смысла — предложил в духе нашего демократического времени решить дальнейшую судьбу матери и дитя голосованием, поставив на него два вопроса. Первый: остались ли желающие усыновить ребенка товарища Володиной. Второй: кто из оставшихся кандидатов в отцы и мужья, по мнению собравшихся, более достоин воспитывать данного ребенка.

Это анекдотическое предложение, нелепое даже на фоне праздновавшегося сегодня безоговорочного триумфа нелепости, столь наглядно подчеркнуло абсурд всего происходящего, что разрядило обстановку сдержанным, но искренним смехом. Тихонько, почти беззвучно смеялись мужчины, беззлобно уже смеялись, в ехидных складках вокруг глаз пряча снисходительность к неугомонному правдоискателю. И лишь Марии не было смешно. Марию Роговский почин жестоко оскорбил, ибо означал одно: ее, ту, чьим речам вот только что внимали, словно голосу свыше, перестали воспринимать всерьез, будто она превратилась вдруг в пассивный и послушный манекен. Ее мнение, если и учитывалось, то наравне с мнениями опостылевших гостей, которых давно пора гнать взащей!.. Так не пойдет!

В целом же, если не брать в расчет данный конкретный случай, огульные насмешки над самой идеей голосования как таковой — проявление заносчивой ограниченности. Голосование, может быть, самый правильный путь и есть. Этот способ разрешать затруднительные вопросы годился нашим предкам, послужит и нам. В нем содержится какая-то домотканая добротность, старомодная надежность, несуетная вдумчивость: простым подсчетом голосов выяснить, к чему стремится большинство. Да, этот способ справедливо называют чисто механическим, не учитывающим важные нюансы, но в нем есть нечасто встречающаяся в нашей жизни ответственность за поступок. Когда на тебя нацелены взгляды, пусть даже чужих, вроде бы безразличных тебе людей, поднять руку, наглядно обозначая, «за» что ты или «против» чего, оказывается, не так уж легко.

Под дотошными взорами воздевая руку в собрании равных, ты ощущаешь за спиной взволнованное дыхание Агоры и Новгородского веча, обретаешь обнадеживающую рассудительность. А уж вселившаяся в тебя вместе с дыханием древности степенная благоразумность подсказывает, как поступить дальше: пусть каждый выскажется свободно, но учтиво, пусть изложит свои доводы, не помышляя о своекорыстных ухищрениях, и пусть будет выслушан с уважительным вниманием. Возможно, кто-то, непредвзято внимая суждению прекословщика, уверится в его правоте, искренне раскается в собственных заблуждениях и откажется от прежних замыслов, через вотирование передав другому, более убедительному, свое право распорядиться будущим?

Но нет, не нашлось столь серьезных людей среди сброда, митинговавшего в четыреста первой комнате. Здесь после произошедшего решительного объяснения любое благоразумное пожелание вызвало бы лишь нервический смех — вот и предложение решить дело голосованием встретили кривыми ухмылками. Стало быть, самое время разойтись... Раз не научились побеждать в дебатах, раз в долгом споре не помогли родиться истине, раз, погнавшись за частной правотой, не смогли обрести согласия, раз боятся баллотироваться на должность мужа и отца — ничего другого не остается: пора идти восвояси.

...Гулкие до враждебности коридоры и лестницы казенного дома ждали за порогом. Безладный шум внезапно возникшего движения пробудил здесь дисгармонию пространства. От каждого шага с пыльных стен обезлюдевшего, притихшего здания взвивались пугающие мутные картины: не то конвой сопровождает смертника в расстрельный подвал, не то отряд горноспасателей спускается в аварийную шахту...

Отваженные женихи понуро плелись к выходу, храня постылое молчание, которое нельзя больше длить ни секунды, но и нарушить не представляется возможным. Шагать вот так (всем вместе, но вразнобой), нисходить друг за другом по неудобным, сбивающим с ритма ступеням оказалось настолько неприятно, что подступала дурно-

та. Тяжело было на сердце, тошно было на душе. Душе было тошно. Или, может, тошнило от переизбытка души? Для их заскоружлых душ соприкосновение с эфирной душой таинственной невесты оказалось отравой. Женихи опьянели от вольных махов Машиных крыльев, дерзновенно уносивших сквозь облака условностей яви к слепающему солнцу смысла, и теперь в хмельном угаре тщетно пытались соотнести свою расчетливую хитрость с открытой для всех и никому не покоряющейся щедростью.

Впрочем, они за благо почли бы, если бы их, надорвавшихся на каторжных работах постижения новых истин, всего лишь мутило от перенапряжения. Кроме подкатывавших к горлу позывов откровенности, кроме головокружения, усугубленного затягивающим вращением в стоке лестничных пролетов, беспокоил и другой, не столь сильный, но все-таки ощутимый симптом: побаливала уязвленная гордость отвергнутого мужчины.

Полученный отказ должен был бы показаться Саше обиднее, чем другим, ведь юноша (единственный из всех!) предлагал Марии руку и сердце безоглядно и бескорыстно. Пусть прозвучало его предложение в убогих декорациях комедии абсурда, на фоне которых прелесть старомодного прямодушия блекла, представала скучноватой приземленностью. Пусть! Саша, обуреваемый романтическим восторгом, искренне готов был подарить возлюбленной себя всего, всю свою молодую, полную надежд и энергии жизнь. Он размашисто бросил бы к ногам избранницы и искусство, и будущность, притом сделал бы это без рассуждений, без условий, без тайных умыслов... Пренебрежения такими подарками не прощают! И художник вряд ли смирился бы с отвлеченными умствованиями в ответ на ропот клокочущей страсти, кабы под занавес драмы не захватило его влечение более жгучее, чем любовь: творческое возрождение.

Иммануил же считал, что его следовало пожалеть раньше остальных... Другие выйдут за порог и сольются с толпой, неприметными мышками быстренько добегут до своих затхлых норок, юркнув туда да примутся привычно точить зубы о сухарь обиды. И тем утешатся. А Иммануилу утешения не найти. Некуда ему спрятаться: в дурацком колпаке, в грязно-белом балахоне он всем заметен, во всякой толпе отличен и чужероден. Любой может ткнуть пальцем, заглянуть в лицо, выведать тайную печаль. В иное время Иммануил ловко подцеплял в толпе любопытного прохожего (на праздное любопытство у него и был весь расчет), выволакивал простофилю, словно рака из-под камня, из-под гнета повседневных забот и выбрасывал на бережок. Рачишка падал в копошащуюся кучу подобных же беспомощных усачей, и тут такое начиналось, что у несчастного глаза неволью лезли из орбит. Новообращенные членистоногие сами не замечали, как оказывались в бурлящем котелке «братства», и сколь ни пятились задом — спасения уже не находили. С чуть брезгливым равнодушием профессионала Иммануил сыпал их в крутой кипяток и с интересом наблюдал, как варятся раки, как безвольно никнут в бьющей ключом воде, как постепенно меняют цвет. Затем похотливый чревоугодник, пуская слюну, ждал, чтобы готовое блюдо остыло, и принимался хищно взламывать хитиновую броню, отрывая клешни, лакомиться нежной плотью... Когда наступало пресыщение, а красно-бурый панцирь был тщательно обсосан со всех сторон, Иммануил зашвыривал подальше ненужную скорлупу и, малость отдохнув, дав завязаться жирку, отправлялся за новой добычей... Да, в иное время вся эта кухня пыхтела безостановочно, но сегодня, после странных и смущающих происшествий нынешнего дня, гурману-вероучителю духу не достало бы прихватить какого-нибудь ротозея фирменной фразой: «Хочешь спастись?»

Изобретенный им же самим наряд — запыленные и в двух местах прожженные окурками одежды фальшивого праведника — вдруг опротивел Иммануилу до содрогания. На ходу, не прерывая общего движения вниз по общежитской лестнице, не нарушая негласно принесенного изгнанными женихами обета молчания, усталый проповедник стянул через голову осточертевший балахон, свернул измятые простыни в тючок, который раздраженно сунул под мышку. Разоблачившись, Иммануил предстал

перед собратями по несчастью мосластым да ледащим нескладехой в растянутой футболке и потертых джинсах. В таком виде развенчанный пророк и вышел из общежития — чудаковатый пьянчуга да и только. В таком виде и затерялся среди сограждан...

А Шамсутдинову казалось, что как раз ему, Равилу Хуснуловичу, в сложившейся ситуации тяжелее, чем остальным. Безусловно, отказ Марии столь уважаемому человеку даже в личностном плане был крайне неприятен, но это еще как-то можно пережить; в ипостаси же неоцененного мыслителя-футуролога он не мог справиться с половодной рекой горькой обиды, неостановимо хлеставшей из сердца, затопляя прочие чувства. Мария и ее будущий ребенок уже казались Шамсутдинову набело вписанными в реестр подготовительных работ по строительству гармоничного государства, которое хотелось оставить в подарок человечеству, — но вот теперь все планы смешались. Полный провал! Впрочем, в этом Шамсутдинов винил и себя: в очередной раз не сумел преодолеть надменность при общении с простыми людьми (с течением лет высокомерие по отношению к согражданам, не обличенным властью, проявлялось у него все чаще и ярче); не смог использовать свой авторитет для убедительного утверждения истины... Шамсутдинов даже готов был согласиться, что его проект политического устройства не был досконально продуман, возможно, несколько отдавал утопизмом, содержал солидную долю наивности. Весьма возможно. Но наивность — не повод для того, чтобы без должного анализа отвергать начинание, показавшееся кому-то нежизненным. Надо бы сначала разобраться в деталях, попытаться воплотить идею в жизнь, хотя бы частично, на уровне модели, выводы же делать потом. Именно так поступали на Шамсутдиновской фабрике — создавали рабочие группы, экспериментальные участки... Однако в четыреста первой комнате не оказалось не то чтобы единомышленника, смелого экспериментатора, а даже вдумчивого слушателя... Бригантина лучезарного державного восторга с ходу напоролась на коварные рифы действительности и разбилась вдребезги. Теперь все государственные мечтания Шамсутдинова тяжким грузом навалились на его плечи, навалились немилосердно, словно злорадствуя над поверженным теоретиком, и вот давят, вот гнут к земле, а скоро, видать, совсем в землю вгонят.

Чернышев... Тот, пожалуй, был единственным из неудачливых женихов, кто, спускаясь по гулкой казенной лестнице, не полагал, что нисходит в преисподнюю одинокого дальнейшего существования. Каких-то серьезных переживаний не было. Прогнали? Унизили? Опозорили? Да ерунда! Все это уже неоднократно случилось с ним в жизни... Бывали и похуже переплеты! Чернышев знал по опыту, что не следует заикливаться на неудаче. Не получилось начать новую жизнь? Не беда. Купим еще новой! Пронырливый ум оборотистого дельца уже строил планы возможного возвращения в общежитие (только одному, конечно, без лохмандеющих конкурентов), подыскивал основные темы бесед с Марией и ее отцом на предмет продолжения знакомства, прикидывал сметы предполагаемых расходов на сближение и ухаживание.

Практичный Чернышев смог быстрее и вернее других оценить Марию, понять, сколь редкая птица спела для них сегодня свою песенку... Да не из Красной книги птичка — из книги добрых старых сказок. Сейчас, топя вразвалочку по холодным бетонным ступеням, Чернышев с беспощадной ясностью осознавал, что уходит от той, которая могла бы стать хозяйкой его судьбы. Никогда больше подобная женщина ему не встретится, не полюбит его, даже не поговорит с ним так откровенно, как сегодня Мария. И уж конечно, не найти ему такой среди торгашек, с которыми предстоит якшаться до скончания дней. Но... Большое «НО» сидело в мозгу. А будет ли Чернышев счастлив с Марией? Долго ли сможет уживаться со строптивой диковинкой? Не накладно ли пускать Марию в свою биографию? Слишком многое придется изменить и в жизни, и в отношении к жизни... Тут надо выбирать: привычное комфортное существование или женщина. Мария не потерпела бы иного, а Чернышев не хотел меняться. И потому он не особенно переживал.

Зато шагавший замыкающим Рогов испытывал и боль, и тревогу, и растерянность. В голове, словно у находящегося в нокауте боксера, вспышками пульсировали безответные вопросы: в чем он ошибся? с какой стороны пропустил сокрушительный удар судьбы? Доколе его будут преследовать неудачи? Чем он не приглянулся Марии?.. Нет, Рогов вполне допускал, что сам по себе, в качестве представителя сильного пола, мог не понравиться или даже вызвать неприязнь, поскольку на статую Давида походил не больше, чем американский герб на голубя мира. Это Рогов четко понимал, однако ему было глубоко плевать, соответствует ли он сомнительным определениям таких туманных понятий как мужская привлекательность и стать. Ведь не внешние данные определяют выбор спутника жизни, но общность интересов и взглядов. А взгляды Рогова не могут не вызывать симпатии. Разве ради притягательности благородных убеждений не следует смириться с невзрачностью человека, до самозабвения служащего тем убеждениям? Разве совершенство идеи не ложится одухотворяющим отблеском на заурядное обличье своего защитника? Разве не отражается в физиономии Рогова красота лиц всех революционеров?

Думая о героях революции и гражданской войны, Рогов неизменно представлял их мужественно-красивыми, такими, какими показаны они в фильмах, какими нарисованы на плакатах, на поздравительных открытках к очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Рогов понимал, конечно, что в реальности среди большевиков не могли все быть писаными красавцами, но причастность к грандиозным свершениям полностью преображала борцов за народное дело. Даже фамилии их начинали звенеть завораживающей музыкой: Лацис, Кун, Лазо... Коллонтай... Инесса Арманд, Виталий Бонивур... Феликс Эдмундович Дзержинский!.. Произносить-то одно удовольствие! Как будто пароль называешь. Как будто шепчешь заклятие, вызывающее дух аристократичной доблести. Люди со столь необычными именами, несомненно, устремлены к чему-то возвышенному, яркому. Как же им не поверить? Обязательно надо поверить. Так, наверное, происходило в Средние века, когда в сонные феоды и города являлись рыцари с гордыми, громкими титулами и увлекали закисавшую людскую массу в великие походы, на славные битвы, к истокам империй. Вот как варяги на Руси, например. Среди борек да володек появляется вдруг Рюрик, Ингвар Ингваревич... Звучит! За таким именем можно и на смерть пойти. А в начале двадцатого века заезжие красавцы, Бонч-Бруевичи, Кржижановские, Рудзутаки, умницы, светлые головы, повели наш народ к счастливому будущему. И вот привели, и вот общее выше частного. И вот все как один. Большинство принимает решения. Большинство всегда право...

Стоп! Тогда получается, что полчаса назад, издеваясь над Роговым, высмеивая его призывы продолжать революцию (в индивидуальном порядке, но дисциплинированно и с неослабевающим энтузиазмом), большинство было право? С этим Рогов не мог согласиться... Или, допустим, большая часть граждан СССР решит отказаться от завоеваний социализма (к сожалению, на текущий исторический момент оппортунистическая опасность налицо). Опять большинство окажется правым? Ну уж нет!.. Выходит, не всегда голосованием утверждают правоту! Подчас несознательная масса проваливается в мелкобуржуазное болото, и, чтобы не допустить подобного провала, за настроениями большинства необходимо бдительно следить, управлять необходимо большинством. Вот для чего нужна партия, вот почему она есть руководящая и направляющая сила нашего общества! Только куда партия сегодня направляет общество? К самоликвидации? Нонсенс! Либо предательство... Предательство, гнуснее которого и представить нельзя!

Только вообразив подобное, Рогов содрогнулся, будто его молния поразила. И хотя жгучие стрелы сомнений уже не единожды терзали его ранее, на сей раз мысль об измене прошла тело столь болезненным разрядом, что в груди защемило. Рогов даже был вынужден приостановиться на предпоследней лестничной площадке, чтобы

несколько прийти в себя. Сердце заходило в аритмии, голова кружилась, словно он не с четвертого этажа спускался, а из подоблачной выси кувыркнулся, как горьковский Сокол, в гнилое ужинное ущелье.

Капризный мозг, похоже, принявший решение снова вырубиться напрочь, как давеча в комнате, завозился в черепной коробке, стараясь поплотнее закутаться в ватное одеяло обморока, укрыться под ним от утомившей реальности. Рогов едва успел ухватить за краешек ускользящее лоскутное покрывало бреда, резко сорвал цветистую верюгу с серого вещества, успевшего укутаться, уютно угнездиться перед окончательной отключкой, безвольно расслабить все свои извилины. Несгибаемый большевик, только представив себе, что повторно лишится чувств на глазах вновь обретенных товарищей, нехорошо, натужно побагровел и громогласно рявкнул в пустоту своего внутреннего двора-колодца: «Не спать!» Впавшее было в унылую квелость сознание встрепенулось, вскочило зябко подрагивающим бодрячком: «Я не сплю! Не сплю: смотри!» И вот пошло ворочать гири размышлений, и вот уже в качестве утренней зарядки выжимает стопудовый афоризм, показавшийся чеканной формулой на все времена, не хуже максим основоположника социалистического реализма: «Самое страшное предательство совершают не отступники, а вожди, не ведающие, куда ведут».

Кто другой, глядишь, возгордился бы, явив миру столь роскошную сентенцию. Возможно, всю оставшуюся жизнь каждый разговор сводил бы к одному финалу: «Я вот тут подумал... Самое страшное предательство совершают не отступники...» Другой, небось, в любое письмо вворачивал бы: «В конце концов, самое страшное предательство совершают...» Другой, может, на надгробном памятнике завещал бы выбить: «Самое страшное предательство...» Другой, но не Рогов. Тот с радостью отказался бы и от прижизненной славы, и от посмертного признания, лишь бы на сто процентов увериться в своей ошибке относительно сути, лишь бы знать наверняка, что измена никоим образом не проникнет в высшие эшелоны власти, в самое ядро советской системы. Однако, похоже, ошибки не было: ничем иным, кроме ренегатства, Рогов не мог объяснить проводимую руководством линию.

Жгучая желчь сушила рот шершавой промокашкой. Рогов облизал моментально пересохшие губы, огляделся дурным глазом, как осматривается внезапно очнувшийся от тревожного забытья человек, ощущающий, что во время сна у него стащили нечто ценное. Сейчас Рогову до отвращения чужим казалось все вокруг: и обшарпанные стены казенного дома, и шумливая улица за стенами, и родной город, и вся страна... Словно бы вмиг состарившийся, он почти равнодушно констатировал: ничего своего, ничего дорогого не осталось: ни державы, ни революции... Опавшими листьями шуршали под ногами бесполезные отныне лозунги «Даешь!» и «Революция продолжается!»... Сквозь безжалостный осенний свет между обнаженными стволами семидесяти советских лет вспыхнула горькой правдой кровавая рябина: кончилась революция.

Она не сегодня кончилась, не сию минуту. Сию минуту это только осозналось, произошло же гораздо раньше. Когда? Когда Горбачев объявил политику перестройки? А может, революция выдохлась во времена брежневского застоя? Или разбилась вдребезги от стука хрущевского кулака? Или еще при Сталине прихлопнули революционную вольницу во имя построения государства?.. Откручивая дальше, дальше назад киноленту хроники, Рогов нашел-таки: революция кончилась 7 ноября (25 октября по старому стилю) 1917 года. Да, да, в час своего триумфа революция и прекращается! Ровно в тот момент, когда Ленин на съезде Советов объявлял о переходе власти в руки большевистского правительства, все завершилось: мечтательная романтика оказалась переведена в плоскость неизбежных шагов, predetermined действий, и оказалось, что действовать надо исходя не из идеалов свободы, равенства и братства, а из жестокой практической необходимости. Каждый новый день укрепления Советской власти убивал революцию.

Под ноги тем, кто нес ее гроб, падали сломанные цветы: Блок, Горький, Маяков-

ский, Мейерхольд... Потом потянулись этапы в сталинский ГУЛАГ, потом заметалась страна, пытаясь предугадать очередной Никиткин бзик, потом навалилась дрема застоя, но все это не имело отношения к революции. Революции давно уже не было. Остались только фразы, лозунги, изрекаемые игрушечными комиссарами из папьемаше и невсамделишными целлулоидными буденовцами,— словесная шелуха, тоже с годами облетающая, постепенно обнажившая стынущую на ветрах поздней осени историческую правду. Никакой связи между ленинской гвардией двадцатых годов и советскими коммунистами конца века не существовало. Абсолютно ничего общего! Вот почему Рогов напрасно пытался отыскать искры революционности в работниках Дома политпросвещения!

А-а-а! Ну почему же все так сложно и несправедливо в жизни?! Просто мочи нет выносить эту пытку! Трахнуть, что ли, со всей дури башкой о стену?.. Вот интересно, какой звук раздастся тогда под гулками сводами общаги? Трехнется ли голова с хрустом, как орех, или невнятно чвакнет, как подгнивший арбуз?

Но пока, слава богу, лишь эхо удаляющихся шагов тревожило тишину казенных коридоров и лестниц. Надо бы догнать товарищей по несчастью... Ох!.. Рогов всего-то ступил на нижнюю ступеньку, а уж уши заложило, словно от перепада высот в горах. Однако в распухшие слуховые проходы каким-то чудом продолжал влетать приглушенный топот чужих каблучков одновременно с невнятным гулом чужих мыслей, перегулом невразумительных идей волшебного преобразования всеобщей жизни и личной судьбы каждого из опозоренных женихов.

Есть ли шанс в этом шуме разобрать нечто доступное человеческому пониманию? Да и кто возьмется искать смысла в нечленораздельном вое по недостижимому идеалу? Разве тот, кто зачем-то собрал в одном месте Иванов-царевичей, оказавшихся на деле Иванами-дураками... Кому и зачем они понадобились здесь накануне грозных исторических событий, предчувствием которых их теперь заразили? С какой стати им выпало на долю биться над вопросами будущего страны? Отчего они заблаговременно не ушли в отпуск, а остались на рабочем посту? Почему именно им отдуваться за всех отдыхающих, безмятежно нежащихся сейчас на пляжах, рыбачащих, попивающих парное молоко?

Закатное солнце, слабо пробивавшееся через запыленные окна на лестничных площадках, словно специально высвечивало неровности стен, скосы стертых ступеней... В тревожных сдержанно-малиновых отсветах общежитие представало неким заброшенным святилищем, заглянув в которое невольно становишься адептом культа искажений. Станным образом ребристые, непараллельные плоскости ведущих вниз пролетов удостоверяли деформацию важнейших сущностей: представлений о справедливости, о причинно-следственных связях, о ходе истории... Отныне описать окружающую действительность можно было банальнейшим трюизмом: что-то пошло не так. Еще не ясно, что, но где-то в высших сферах нечто уже стронулось с места, и теперь лишь время отделяет нас, обитателей дольного мира, от начала перемен, масштабы коих даже представить сейчас трудно.

Так же трудно, как трудно увериться в том, что на твоих глазах пришли в движение жернова старой мельницы. Казавшиеся незыблемыми глыбы пока лишь чуть дрогнули, даже не подвинулись; пока ничто не изменилось ни во вселенной, ни в затаявшейся до срока дощатой постройке. Ты пока даже не убежден, действительно ли ловил начало вращения... Не обман ли зрения? Не показалось ли?

Потом, когда остов истории разойдется, когда мука времени безостановочно посыплется в пеклеванный мешок вечности, сомнений не остается, но в первый-то миг невозможно представить, что громадные каменные круги по-прежнему, как миллионы лет назад, на ходу, что ты видишь то же самое, чему свидетелями были все, посетившие сей мир в его минуты роковые.

Эти минуты возносят великих людей. Но даже тот, кто не отмечен печатью из-

бранности, обращается тогда мыслями к вечному — к Богу, к Родине... Если в обиходе рядовой гражданин не сверяет каждодневно свое бытование с бытием государства, то в час испытаний родная земля оказывается единственным якорем и критерием истины: коль страна развалится, обесценится жизнь человека, уйдет почва из-под ног его.

Ощущение уходящей из-под ног почвы сказочное. Только почему-то муторное до холодного пота... Хорошо добрым молодцам на завалинке или на печке: слушают бабушкины небывальщины, да знай извлекают уроки, один полезнее другого. Худо добрым молодцам в волшебном краю, где за каждым кустом подкарауливает нечисть... Вот жил да был ты в родимой деревеньке, где все вокруг знакомо вплоть до мельчайшей кочки на выпасе, собирался и дальше мирно жить-поживать, да добра наживать... И вдруг сотрясается деревенская улица, кособочатся крыши на домах, разлетаются колья из тына... Задышала, заходила боками родная земля... Глядь — не земля это вовсе, а Чудо-юдо рыба-кит. И вот заныривает Чудо-юдо в глубины моря-окияна со всеми пригревшимися на его спине обывателями, со всем их накопленным скарбом, со всей мелочью обзавода... Тут и сказочке конец. И тебе вместе с ней...

А пока апокалипсис далек, никто о конце не думает. Никто не вглядывается в грядущее, никто не оборачивается к прошлому. Мутное течение повседневности скрывает от наших глаз омуты и подводные камни русла истории. Однако неизбежно настанет миг, когда настоящее превращается в прошлое, и ты (самое удивительное!) это понимаешь. Оказывается, время осязаемо. Оно колючее, словно терновый куст. И через него надо продираться, оставляя ошметки души на обрызганных кровью шипах. Но то, что мучительно для тебя, тварного существа, неощутимо для Хроноса. Время безразлично к твари. Ты кричишь от боли, тебе кажется, что тебя терзают преднамеренно, ты вопиешь о несправедливости, о предательстве. Да нет ни умысла, ни предательства, ни даже справедливости! Есть лишь перетекание истории через тебя как через свою частичку, частичку, по какому-то недоразумению наделенную возможностью осознать происходящее.

«Так, так, так», — покрикивало на гулкой лестнице эхо шагов спускающихся мужчин. «Не так, не так, не так», — в ответ стучали спорщики-сердца. Неизбывная горечь пощипывала веки наворачивавшимися слезинками. Казалось, где-то тут рядом (вероятнее всего, за дверью недавно покинутой обшарпанной комнаты) лежит мертвое тело издавна дорогого и душевно близкого родственника. Половину себя каждый изгнанный жених похоронил в склепе за номером четыреста один, и теперь усеченная вдвое душа еще долго будет подвержена фантомным болям.

Несчастные калеки, они навсегда уходили от Марии, от себя самих — прежних; уходили к смутным горизонтам штормового будущего. Неудержимый ветер перемен гнал их прочь от обжитых берегов. На долгом пути к новой тихой гавани им предстоит каждодневно бороться с океаном невзгод, пересечь ревущие широты истории, изведать все буйство времени-цунами. Однако в потаенном уголке сознания пульсировала неосознаваемая надежда на то, что когда-нибудь они вынырнут из пучин житейского хаоса в том же самом месте, которое покидают теперь, широко раскинут обессилевшие в борьбе со стихией руки и, покачиваясь на стихающих волнах среди мусора воспоминаний, жадными ртами втянут в легкие настоявшийся на хлорке воздух чужого обиталища. И вот тогда, через десятки лет предначертанных им скитаний по бурлящим просторам судьбы, во внезапно наступившей тишине услышат затихающие шаги происходящего сейчас своего ухода.

...Печально шествовали они мимо общежитской вахты, а на лицах их все еще не разгладились глубокие складки — печать обращенной внутрь себя мысли. И вахтерша посмотрела на них — и отвернулась, ничего не сказав, против своего обыкновения, хотя было у нее приготовлено немало слов-буравчиков. Злостные нарушители один за другим покидали вверенное Евдокии помещение; можно было бы поднять тревогу, вызвать милицию... Но не хотелось. Она отпускала их, отпускала им пре-

грешения перед Правилами Внутреннего Распорядка, сей скрижалю нравственности, подписанной самим Комендантом.

Нет, не присутствие Шамсутдинова (как-никак начальника) удерживало бабу Дусю от скандала, а то, что исход нечестивцев виделся ей сквозь какую-то дрожащую, плавающую дымку, неожиданно застывшую глаза. Ретировавшиеся колобродники проплывали мимо старухи расплывчатыми, тенеобразными силуэтами, словно и впрямь летучие голландцы.

Оцепеневшая Дусиня лишь провожала взглядом скитальцев, безнаказанно выпущая их из своей акватории. На исчезающих в сгущающейся мгле мачтах мерцали таинственные огоньки, прощально махали Дусе маленькие фонарики за кормой. Она же — миниатюрная точеная фигурка в трепещущей на ветру широкой юбке, статуэтка с ответно вскинутой рукой, со струящимися по прихоти бриза волосами — черным абрисом вырезана на фоне закатного пожара... Такое секундное видение посетило Евдокию... Чего только не померещится пожилой женщине, страдающей мигренью, чего не почудится разминувшейся с алым парусом Ассолы, на старости лет подвигающейся хозяйкой дешевой таверны.

...Словно литавра на коду норвежской сюиты, бухнула захлопнувшаяся дверь. Вздогнула вахтерша: что тут? кто? Кафельный вестибюль отозвался тишиной и безлюдьем довоенного госпиталя. Евдокия горестно вздохнула, подперла ладонью щеку. Голова ее чуть заметно тряслась, как будто старуха про себя тихонько, но решительно заявляла невидимому оппоненту: «Нет, тысячу раз нет!» Перед неподвижным взглядом квадраты напольных плиток расплылись, превратились в круги. Неспешные и невеселые думки потянулись привычной чередой: «Чтой-то башка у меня кружиться стала. Все плывет. От ить работка у меня: весь день на нервах, за все переживаешь, на всех брешь. А кому это надо? Мне что ли? Да мне ничего не надо!» И баба Дуся пригорюнилась, сердечно переживая мысль о том, что ей и вправду ничего не надо. Стоит она на околице жизни, на дорожке, ведущей к погосту; хорошего теперь уж ждать не приходится, одна надежда: может, получится спрятаться от парализующего страха смерти за бесцеремонностью, от пустоты существования — за напускной важностью.

А задумчивая процессия, молча прошествовавшая мимо Дусино поста, уже сгрудилась на общежитском крыльце, да тут ненадолго замерла — навстречу тихонечко потянул прохладный приземный ветерок, словно ладони выставил: «Стоп!»

Был тот удивительный предвечерний час, когда весь доступный человеческому восприятию вещный мир запредельно насыщается сущностью, обретает гипертрофированную отчетливость, до непереносимости резко обличая ирреальность действительности. Дневной свет перед окончательным помрачением утверждает себя как желтый, наступающие сумерки являются иссиня-зелеными. Густо-малиновая полоса заката, заранее уступив авансцену медленно темнеющей бледности, занимает ровно одну восьмую необъятного небосвода, и на этом полотне несмешивающихся красок сосуществуют солнце, луна и звезды. Отдаленный лай собаки, шаги проходящих мимо пар, фырканье автомобиля за углом, невнятные голоса, доносящиеся из ближайшего распахнутого окна,— все эти звуки кажутся нарочито многозначительными, то слитыми в симфонию остывающего полиса, то намеренно разделенными генеральной паузой. Незаметно повзрослевший ветер на этот раз всерьез ударил упругой волной по увядающей листве, неся с собой нездешний запах напоенного солнцем травостоя взамен загазованному, запыленному городскому эрзацу озона.

Мужчинам, покинувшим обитель неприступной невесты, приятно было удостовериться, что смутная будущность, с которой они боялись столкнуться, выйдя за порог дома разбитых сердец, на деле совсем не страшна. Еще минуту назад столь пугавшая, неизвестность оказалась наполнена предметами привычного обихода: на понятном языке шептались тополя, шли мимо люди с угадываемыми заботами на ли-

цах, фонари на столбах, пробужденные чьей-то невидимой рукой для исполнения всеночной светоносной должности, весело перемаргивались, будто старые знакомые.

Отверженные женихи невольно расправили плечи, наслаждаясь свежим воздухом, глубоко вбирали его в легкие и нехотя выдыхали. После духоты казенных помещений респираторная свобода наполняла бодростью, силой, легкостью, пьянила чуть ли не до галлюцинаций. И вот растрескавшееся бетонное крыльцо общежития предстало стартовой площадкой для прыжка в загадочное Завтра, а они, все пятеро, казались себе героями некоего фантастического эпоса — самоотверженными путешественниками во времени, отважными покорителями Хроноса, готовыми во имя счастливого будущего человечества торить трассы в Великое Неизведанное, идти на штурм Незнаемого. Одно только смущало: не выглядят ли первопроходцы новой жизни нелепо среди привычных, даже поднадоевших декораций жизни старой? Что: эти ветхие пятиэтажки вокруг заброшенного пустыря, этот заглохший сквер напротив общаги непременно надо тащить с собой в наступающий день? А родные с детства звуки и запахи станут фоном для небывалых прежде событий?..

Еще один порыв почти уже ночного, почти уже осеннего ветра безвозвратно рассеял и мечтательность, и недоумение. Саша судорожно передернул плечами; Иммануил повернул лицо вслед убегающему сквозняку, раздувая ноздри и глубоко дыша; Чернышев вытягивал из пачки сигарету; Шамсутдинов заложил руки в карманы; Рогов провел пальцами по волосам. Нечто удалое, лихое, гусарское поднималось в душе. Напряжение, вызванное разговором с Марией, постепенно спадало, какая-то мальчишеская проказливость разгоралась в крови, подзуживала на озорство. Лица кривились лукаво-смущенными полуулыбками: «Да что такое, в конце концов, случилось? О какой «новой жизни» идет речь? Это даже забавно! Увлёклись, увлеклись излишним психологизмом... Кто такая эта Маша, чтобы нас поучать?! Если уж сказать откровенно... Ладно, не будем. И ведь непонятное что-то она говорила. Точно! Ничего не разберешь, бред какой-то. Возьмись сейчас повторить — не выйдет. Все очень абстрактно, очень далеко от реальной жизни. А реальная жизнь это... Это... Это штука такая... Кстати! У нас же дел много. Мы тут прохлаждаемся, а дела не ждут».

И пятеро мужчин, облученных черныбыльской правдой бытия, разошлись в разные стороны, не проронив ни звука (только Чернышев присвистнул, поднеся близко к лицу циферблат наручных часов), даже не взглянув друг на друга. С показной целеустремленностью они ринулись навстречу черной мгле, с каждым шагом отдаляясь от самых откровенных своих товарищей, теряя единственную свою избранницу, обрекая себя на потемки одиночества. А густеющая ночь столь же решительно надвигалась на них. И вскоре поглотила.

Виктор Алексеевич видел это из окна Машкиной комнаты. По-хозяйски навалившись животом на подоконник и по плечи высунувшись наружу, сельчанин наблюдал, как один за другим выходили на крыльцо его недавние собеседники, которым совсем недавно он считал себя вправе давать глубокомысленные советы о том, что стоит, а чего не стоит делать в жизни. Теперь, глядя со стороны, Володин не узнавал их, будто это были совершенно посторонние люди, никогда не распахивавшие перед ним тревожные чемоданчики своих душ, будто он никогда раньше никого из них не встречал. Удивительно, насколько парни преобразились, пройдя без него несколько десятков метров по коридорам общежития, как резко почужели. И все только потому, что несостоявшийся тещь разглядывал неудавшихся зятьев с высоты четвертого этажа?.. Как же важен угол зрения для восприятия картины мира!

«А этот, татарин-то, лысеть начал, — отметил про себя Виктор Алексеевич. — А этот маленький, коммунист-то, совсем сутулый». Володин видел, как все пятеро с минуту постояли на порожках, крутя по сторонам головами. Видел, как одновременно, словно по команде, они глубоко вздохнули, как веером рассыпались, раскатились по тротуару. Никто даже не оглянулся на распахнутое окно. Только самый молодой,

отойдя немного, стал замедлять шаги и вскоре остановился, повернул было голову, но махнул рукой и ушел окончательно. А может, и оглянулся он?.. Точно не скажешь: видно было смутно.

«Неужели же все?.. Все ушли? Бросили ее одну?» — Виктор Алексеевич не мог поверить: недавно же женихов было целых пять штук! Никаких сомнений в том, что судьба дочери устроится благополучно! А теперь вот Машка осталась бесповоротно и навсегда одна?.. Сама виновата, дура! Нечего было рассуждать. Наговорила она, конечно, много, да как еще наговорила! Диву даешься, где только научилась так балакать. Да что толку?! Чем краснобайствовать, лучше бы бабьим умом притихла, показала свою слабинку перед мужиками — глядишь, и оказалась бы уважаемой замужней женщиной, матерью семейства. А сейчас вот что? В подоле принесет? В подоле принесет... Странное какое выражение... Всего два слова, а прям как кино из старой жизни: вот молодая крестьянка идет на работу в поле, да в поле и рожает; одна, без вспомоществования, брошенная мужчиной, отвергнутая родней, опозоренная. Чуть ли не зубами перегрызая пуповину, заворачивает она свое незаконное дитя в рабочий фартук и несет младенца в дом родителей. Куда же еще? Родители не прогонят, не откажутся от внука...

Что уж теперь говорить... В подоле, так в подоле! Все равно ведь — новая жизнь зародилась на земле. А жизнь, она не спрашивает, как ей явиться в мир: окруженной заботами хлопотливых повитух, сопровождаемой теплыми взглядами персонала роддома, встречаемой восхищенными криками сродников и сводников, или вот так, в неприкаянности и сиротстве. Жизнь права самим ходом своим, проявления же ее часто бывают неприглядны, а то и отвратительны. В подоле, так в подоле!

Ну а те спесивцы, которые сейчас этакими фертмами отчалили в ночь, еще образумятся. Оценят они Марию, затоскуют без нее. Поймут рано или поздно, что прошли мимо важнейшего в своей жизни. Поймут, что не им, недостойным, следовало оказывать покровительство дочери крестьянской. Это у нее нужно было просить благосклонного внимания, словно высшей милости. Может быть, еще и прибегут женишки обратно; может, на коленях станут умолять простить их.

Володину настолько живо представились утешительные картины неизбежного возвращения посрамленных кандидатов в Манькины мужья, что он, рискуя соскользнуть с подоконника и брякнуться оземь, подался корпусом вперед и до хруста позвонков вытянул шею, как бы высматривая в темноте будущего зятя. Вдруг самый догадливый кавалер уже поспешает к столь опрометчиво оставленному крыльцу? Вдруг ранее других раскаявшийся в совершенной ошибке миннезингер уже стоит у порога, в отчаянии ломая руки? Вдруг и впрямь какой-нибудь коленапреклоненный идальго уже взирает на заветное оконце в надежде получить прощение?.. Но внизу окончательно смокнулись волны непроглядного мрака, а дежурная не спешила зажечь фонарь над входом в общежитие, поэтому ничего нельзя было разглядеть.

Сколь ни пяль глаза на пяльцы ночи, не прозреть сквозь траурный бархат оборотную сторону гобелена бытия, не распознать изнанку материи, усеянную узелками судеб до того причудливо, что оторопь берет. И, пожалуй, недаром скрыт от глаз людских этот испод сущего, являющий издевательски извращенную, непривычно перевернутую картину действительности, которую лишь равновеликий создателю вышивальщик оценит, воздав должное и величию замысла, и тонкости работы.

Впрочем, такие вот отвлеченные умствования в духе агностицизма сейчас меньше всего должны были бы занимать отца опозоренной невесты; а между тем он не находил сил, чтобы оторвать взгляд от медленно возрастающей черноты и вернуться к насущным потребностям текущего момента... Словно зловещей ворожкой кто-то принудил Володина до потери зрения, до помрачения ума созерцать непроглядное нечто. Казалось, моргни он — и предаст мечту о будущей благоустроенной и беззаботной жизни всей семье, подведет дочь, изменит самому себе.

Упрямый мужик никак не желал смириться с очевидным: что-то очень-очень важное безвозвратно завершилось... Подошел к концу затянувшийся водевильчик «Поездка в город»; спущен занавес в балагане длинных и суматошных дней; отзвучали растянувшиеся чуть ли не на годы задушевно-бестолковые диалоги; стихли за кулисами шаги резонеров-любителей, которые, как представлялось теперь, десятилетиями не сходили со сцены; исполняется кода. Публика еще под обаянием зрелища, лицедеи еще в восхищении собой, никто и думать не думает о том, что последует за финалом. А Виктор Алексеевич уже предчувствовал весь трагизм следующего акта, уже мучился ожиданием невероятной трудности своей роли. Да ведь и догадаться об этом несложно было, поскольку амплуа его всегда одинаково: триагонист, глупый слуга, простака...

Между тем, именно Володин (он лишь один среди всех участников шоу!) мог бы с уверенностью рассказать о том, что произойдет непосредственно после бурлескного представления. Именно он обладал знанием... да не знанием даже, а нутряным разумением извечного ответа на любой проклятый вопрос. Именно этот далекий от влечерчивости и суемудрия, хлебнувший жизни человек способен был открыть издегавшимся и изверившимся современникам заветное слово — отзыв на самый замысловатый из паролей, которые в нынешнем веке столь часто и безрассудно меняют ненадежные командиры наши. Одно только слово, неизменное слово — труд. Что бы ни происходило в стране, чем бы ни бредил мир, как бы ни лихорадило вселенную, русский ответ на все и всегда будет один и тот же: надо трудиться.

Надо много и тяжело работать, не рассчитывая на соразмерное усилиям вознаграждение, не видя конечной цели работы (ибо она сама по себе цель), не вникая подчас в ее смысл. Вот если трудиться, тогда смысл и появляется. Тогда обретаешь дар мышления, дар речи. Тогда приходишь своим умом, что ответить — негромко, но с достоинством — и предкам, и потомкам, и современникам на их неотступные каждодневные вопрошания. Более того: тогда сами вопросы получают логическую завершенность, отливаются в чеканные формулировки.

Уясняют это легче прочих те потомки Адама, для которых возделывание земли — не ветхозаветная заповедь, а ежегодно повторяющийся круг обиходных дел. Всякий пахарь не единожды наглядно убеждался: капли пота, уроненные весной в почву, неизменно всходят по осени урожаем; и чем обильнее орошение, тем гуще всходы.

Вот и Виктор Алексеевич, с малолетства привыкший примечать, как возвышающийся, непреходящий смысл произрастает из раздражающе утомительных забот, сейчас, вперив остекленевшие зрачки в непроницаемую темень, провидел свое будущее с отчетливостью, резкой чуть ли не до болезненности: отныне ему предстоит гораздо больше работать, чтобы обеспечить не только себя со старухой, но и Машку, и ее ребенка... Да, придется без роздыху горбатиться, ишачить, рвать жилы. Вкалывать, не разгибаясь, вламывать до самой смерти, до последнего часа, который, похоже, уже не за горами. Только бы сил хватило! Только бы хватило сил еще на десяток лет напряженного, плодотворного труда...

Глаза вдруг заволкло мутноватой влагой, защипало, как будто едкая щелочь сочилась из-под ресниц. Володин заморгал-заморгал, отвел, наконец, взгляд от давно опустевшего крыльца и запрокинул лицо, стараясь удержать соленые озера в подрагивающих берегах век.

И оказалось, что в небесах еще можно различить — сквозь тусклые линзы слез, сквозь туманящую взор печаль, сквозь все гуще ткущуюся черноту вуали вечера — неброское малиновое сияние! Если в нижнем суетном мире прочно воцарился непроглядный мрак, то на своде небесном был явственно замечен уверенный в своей всепобеждающей силе, хотя и вынужденный временно отступить на заранее подготовленные позиции, свет. Значит, где-то по-прежнему лучится Солнце, пусть и не видимое пока с Земли; значит, планеты в неизменном порядке обращаются вокруг своей

звезды; значит, все во вселенной идет установленным чередом, без сбоев, без заминок, без неурядиц.

Пораженный этим открытием, словно приступом столбняка, Виктор Алексеевич вновь оцепенел, на этот раз созерцая верхнюю бездну. Спина его напряженно выгнулась, подбородок вознесся до неприличности, не прикрытое даже воротом рубахи, обтянутое тонкой, почти что бумажной, кожей адамово яблоко легкомысленно выставлялось далеко вперед. Беззащитный (голыми руками бери!) кадык, заросший редкими щетинками, до которых неделями тщетно пытались дотянуться роторные ножи слабосильной электробритвы «Харьков», временами судорожно двигался вверх-вниз, как цевье помпового ружья. И долго еще, застыв в неловкой позе, крестьянин безотрывно разглядывал надзвездные сферы, изредка поводя носом, будто что-то учуял. А потом сказал, не оглядываясь на Марусю:

— Собирайся, дочка. Поедем домой.

Послесловие

Итак, любезный читатель, мы добрались до финала данной неказистой повести с неказистым, как и указано в предисловии, названием. Поневоле приходится повториться: заголовок оказался неудачным, вычурным, претенциозным, связанным с содержанием книги чисто формально.

С другой стороны, само это содержание настолько мелкотравчато, что какое заглавие ни подбери — все будет неладно. В самом деле, какова фабула предложенного нам литературного опуса? Говоря лаконически, она заключается в следующем: случайно сходятся вместе малознакомые люди, вступают в бестолковый диалог, расходятся, так ничего для себя и не выяснив... Ерунда какая-то!

Автор, изображая всклокоченный внутренний мир обрисованных им типов, пытается намекнуть, якобы данный эпизод оказался чрезвычайно значимым для каждого из них, якобы во время их краткого общения произошло нечто очень важное. Но что же именно? Какой разговор состоялся в комнате героини? Каких аспектов он касался и в каких выражениях велся? Нам предлагается дойти до этого своим умом, догадаться по предложенным смутным ассоциациям, по попыткам персонажей рефлексировать, по реминисценциям и аллюзиям, что, возможно, небезынтересно, однако требует затрат времени и душевных сил, а их у современного человека кот наплакал. Создатель повести вроде бы и пытается облегчить нам процесс постижения сути написанного произведения, раскрывая отдельные поведенческие алгоритмы, рисуя некоторые схемы духовно-интеллектуальной деятельности героев, однако взять читателя за руку и сопроводить его по страницам книги от начала до конца, подвести к четкому выводу даже не пытается. При этом следует отметить, что подобное «отстраненное» отношение к читателю, к художественному образу, ко всему произведению превратилось в тенденцию актуальной литературы. В тревожную тенденцию, реализующую которую нынешние сочинители насобачились за определенными формальными приемами прятать мелкотемье и безыдейность.

Дабы обличить пагубность охватившей нашу словесность в целом вакханалии безответственности, мы решили прямо указать на очевидные недостатки данной конкретной повести, подробнее остановиться на разборе ее основных художественных принципов. Сначала о вопиющих просчетах.

Во-первых, в книге явно нарушены законы построения литературного текста. Вы вот сейчас читаете послесловие, а переверните пару-тройку страниц — и увидите «Эпилог». Это зачем так делается?! Где же видано, чтобы сразу — и «Послесловие», и «Эпилог»? Абсурд!.. Ну, допустим, исходя из каких-то соображений (да а какие тут могут быть соображения? дешевое оригинальничанье, скорее всего, и только), автору понадобился указанный композиционный выверт. Допустим. Но и тогда ординарная

формальная логика должна была бы подсказать, что сначала надо поместить «Эпилог», задача которого рассказать о важнейших событиях, произошедших с героями произведения через какое-то время после описанных перипетий, а затем уж давать «Послесловие», отражающее собственно авторскую позицию. Нет, в анализируемом сочинении все наоборот.

Второе. Раз уж писать завершающее книжку обращение к читателям, то в нем беллетристу, если, конечно, он с должным уважением относится к ознакомившимся с его вещичей людям, стоило бы детально разъяснить ключевые для осмысления сути повествования моменты, поскольку только что прочитанный финал вызывает закономерное недоумение. Беременна ли главная героиня или нет? А если да, то от кого? На эти вопросы, несомненно, более всего интересующие широкую публику, наш прозаик не дает прямого ответа. Удалось ли остальным персонажам реализовать свои планы? Тоже непонятно.

Далее. Среди всех нестыковок, нелепостей, неясностей самое туманное в повести — позиция автора. Что он, собственно говоря, хотел выразить? Как относится к изображенным коллизиям и созданным его творческой фантазией персонажам? В тексте сам он крайне неохотно прибегает к однозначным характеристикам, а ежели где и удается прочесть нечто внятное, лишённое двусмысленности, то такая оценка все же не является окончательной, нередко сменяется высказыванием с прямо противоположной коннотацией... Очень все это пахнет конформизмом, а пытаться стяжать лавры на писательском поприще, не сумев сформировать основательных и внутренне непротиворечивых воззрений, как нам представляется, есть чистой воды шарлатанство.

Впрочем, не станем настаивать на обвинении нашего сочинителя в сознательном плутовстве. По зрелом размышлении за его манерой, так сказать, «бережного» изображения действительности можно увидеть не отсутствие, но своеобразие мировоззренческих и творческих принципов. Рискнем предположить, что автор на страницах своей книги хотел дать объемные портреты персонажей, показать все многообразие внутреннего мира героев и тем самым поддержать традиции реализма на современном витке развития литературного процесса. Такое предположение кажется нам любопытным, и чуть ниже мы к нему вернемся. А пока еще несколько слов в довершение анализа действующих лиц.

Насколько мы можем судить, каждый образ продумывался с прицелом не только на психологическую достоверность, но и на возможность представить оный в качестве «ходячей идеи», то бишь воплощения некой концепции. В таком случае создателю повести следовало бы выявить капитальную систему взглядов, которую читателю предлагалось бы принять за образец, и раскрыть ее во всей полноте и сложности. Однако ни одна жизненная философия, воплощенная в ком-либо из персонажей, писателем не поддержана безоговорочно, не заявлена в качестве предпочтительной. Критикуя иные поведенческие схемы и идейные построения, литератор сам никому ничего советовать не решает. Автор, похоже, не в состоянии определиться относительно правоты либо неправоты своих героев, мечется между идеологическими противоречиями, настойчиво, но безуспешно пытается подвергнуть конвергенции антагонистичные позиции, тщетно пробует свести ту какофонию, что устроили солисты, им же собственноручно выведенные на сцену, в подобие симфонического звучания.

Ну, и как оценивать подобное произведение? Как составить мнение о нем? Как, наконец, поддерживая репутацию интеллигентного, мыслящего и начитанного человека, пересказать коллегам и родственникам содержание очередной проштудированной книжонки?!

У читателя остается еще надежда, дескать, эпилог поможет пролить свет на маловразумительные места. Сразу хочется предостеречь: надежда призрачная. Из эпилога ничего вы не поймете, напротив, только еще больше запутаетесь. Как уже отмечалось, эпилог нужен, чтобы показать логическое завершение развития художествен-

ных образов. В данном случае мы такого не имеем. Более того, ни один из персонажей повести в эпилоге не только не появляется, но даже не упоминается... Короче говоря, ни в чем нельзя положиться на этого автора!

Отчасти (но только отчасти!) вскрытые нами недостатки произведения могут быть объяснены самой его тематикой, тем, что повествователь отваживается бытописать сложную, переломную эпоху, предопределившую явные отклонения в поведении героев книги, а также, видимо, сказавшуюся на, мягко говоря, специфическом душевном состоянии сочинителя... Поневоле приходится согласиться с психологами, утверждающими, будто в критические моменты истории коллективное бессознательное подталкивает наиболее возбудимых субъектов к эксцентричному образу мыслей и действий...

Если же говорить конкретно о позднесоветском периоде, то тут мы и вовсе имеем дело с феноменом не только не исследованным, но, похоже, даже не описанным до сих пор в литературе. Указанный феномен заключался в небывалом размахе охватившей страну (наряду с эпидемией недавно подаренного СПИДа) эпидемии апатии. Да, собственно, даже не апатии, а какой-то необъяснимой энтропии, распространявшейся на все, что составляло привычный образ жизни: производственные связи, приятельские и земляческие отношения, эстетические вкусы, национальные пристрастия, государственные символы... Объяснить данное явление мы, право, затрудняемся... Отчего исполнение крепко-накрепко зазубренного гимна вдруг стало вызывать плохо скрываемое отвращение? Почему былые достижения начали восприниматься достойными исключительно осмеяния и поругания? С какой стати наличествовавшие недостатки представились нигде и никогда доселе не бывшими, настолько чудовищными, что одно лишь упоминание о них отравляло существование великому множеству народа?

Это тем более удивительно, что направленность советской идеологии была прямо противоположной: наступательно заостренной против всяческого упадничества, нацеленной на формирование единой социальной общности, на воспитание населения в духе сплоченности, верности идеалам, гордости за свой строй. По нашему скромному мнению, вышеописанное коллективное переживание фрустрации обусловлено причинами исключительно мистического свойства. Мы неоднократно пытались разрешить для себя указанную проблему, используя инструменты логики, причинно-следственных связей, и всякий раз в бессилии опускали руки, ибо всякий раз очевидным для нас становилось, что большинство реалий тех лет невозможно истолковать с точки зрения рациональных схем.

Впрочем, в отношении общественно-политических дисциплин наука отвергает любые намеки на метафизику... Посему остается одно: терпеливо ждать, когда же въедливые исследователи вынесут онтологически обоснованное и многократно ревидированное суждение. Суждение окончательное и исчерпывающее. Мы же со своей стороны можем лишь повторно свидетельствовать, что в интересующий нас период необъяснимое, доходящее до животной тупости безразличие к собственной судьбе всецело овладело массами, отчего неотвратимость роковой развязки проступала все явственней.

Соблюдая стилистику художественного текста, для иллюстрации вышеприведенного тезиса нам следовало бы вернуть метафору, или даже ряд метафор... Минуточку! Сейчас, сейчас... Вот, готово! Словно бы безалаберный и злобный киномеханик прервал фильм на самом интересном месте: на кого-то разобидевшись, решив сорвать зло на зрителях, во время сеанса грубо крутанул бобину с лентой, и проекционный аппарат, прежде исправно воспроизводивший звуки да изображения, «зажевывая» пленку, понемногу останавливается, бормоча отвратительную тяготящую невнятицу, подобную бреду слюнявого идиота. Словно бы по завершении важнейшего опыта сердитый от собственной серьезности экспериментатор отключил питание электрической цепи, и вживленный в нее магнит, колоритно щетинившийся металли-

ческими опилками, безвозвратно теряет былую притягательность, по-осеннему вяло роняет железное крошево, каковое могло бы дисциплинировано красоваться в математически-четких шеренгах силовых линий, а вместо того грудится анархистской кучей. Словно бы на наших глазах рушится некая сложная инженерная конструкция, из которой в одночасье извлекли скрепляющий стержень, после чего она начала распадаться на блоки, агрегаты, детали... А раскатившиеся в беспорядке человеческие обломки той установки (на вид еще вполне функционально пригодные) оказались изржавевшими в труху: дотронься только — взорвутся ядовито-рыжей пылью.

Отчего это люди предстали миру такими пустотелыми, будто выгорели изнутри?.. Обратились в шлак от жара клокочущего разочарования? Обуглились от обиды, окончательно поняв, что соблазнившие их некогда картины великой в своем совершенстве будущности были всего-навсего теоретическими выкладками, умозрительным проектом, одной из тех интеллектуальных блесен, на которые ловятся неопытные, но азартные дельцы? Испепелили сердца неугасающим раздраженным самокопанием, как некий сверхсрочник-кладовщик, постоянно злобившийся на себя прежнего — восторженного призывника, грезившего о воинской славе? Сомлели от безмерной усталости часового, забытого на никому не нужном посту? Оглохли, ослепли, онемели, контуженные динамитным веком? Надорвались, впали в бесчувствие провалившегося боками коняги, столетие не выпрягавшегося из хомута? Одеревенели от нескончаемых лишений, утрат, похорон? Нарочно испростили нутро, дабы больше не начинало начальство (что до того повторялось с печальным постоянством) рыться в тайниках душ подчиненных да, так ни в чем и не разобравшись, не плевало бы на нетленную суть человеческую? Привыкли без рассуждений повиноваться стороннему авторитету, а потому вовсе утратили вкус к жизни, вся прелесть которой заключена в возможности думать самим, самим находить решения и самим отвечать за них, свободно волишь и чувствовать?.. Ответов не знаем. Знаем только, что позднесоветский человек стал неуправляем и невменяем.

Хотя, справедливости ради, следует заметить: даже в стабильной общественно-политической ситуации отдельные представители социума доводят себя до такого состояния, что подчас не могут отдать отчет в том, чего они хотят, зачем куда-то идут, почему оказываются в тех или иных местах, порой самых неожиданных, как это случилось с героями прочитанной нами повести. Спорить нечего — нарезал автор правду-матку жирными ломтями.

Еще одно обстоятельство тоже верно подмечено писателем... Некоторые представительницы лучшей половины человечества, действительно, обнаруживают, что беременны, на достаточно позднем сроке, когда уже невозможно что-либо изменить. Поневоле приходится переводить общение с подобными особами на новый уровень, готовиться к событиям, ранее не запланированным. Случается такое в жизни, случается... И тут писателем поднята серьезная проблема, как семейной жизни, так и взаимоотношений мужчины и женщины до вступления в законный брак... Но, пожалуй, сейчас мы себя остановим, поскольку затронутый вопрос представляется нам наиинтимнейшим, и касаться его публично мы считаем бестактностью. Кроме того, развивая данную тему, мы можем быть заподозрены в нездоровой сексуальности и аморализме. Не будем же давать повода для инсинуаций!

Лучше похвалим автора повести за ту добросовестность, с которой он старался разобраться в напластованиях мыслей, в наслаениях эмоций, возникающих во внутреннем мире человека при отображении реалий окружающей действительности. Сдастся нам, здорово пробираться таким увлеченным спелеологом по потаенным пещерам созданных тобой характеров, вести за собой читателя по причудливым дебрям стремящихся к неизбежному слиянию сталактитов экзогенных впечатлений и сталагмитов эмпиризма. Сдастся нам, это гораздо достойнее, правильнее это, чем раскатывать километры текстов неряшливой сюжетно-бытовой скорописи, аки большин-

ство нынешних беллетристов, начавших и на диалектику души, и на слезу ребенка, и на миссионерство русской литературы: мол, я не Лермонтов, не Пушкин, пусть кто другой занимается пресловутым психологизмом, кто подурней да победней.

Возможно, автор анализируемой книги провел свое художественное исследование без особого блеска, без необходимой философской фундаментальности... Возможно. Но он ставил перед собой дерзкую творческую задачу, и уже одно это вызывает уважение. Будем же снисходительны к тяжелому, неблагодарному труду честного литератора!

Итак, не за страх, а за совесть произведя разбор почитанного произведения, без экивоков указав положительные и отрицательные его стороны, мы подошли к самому интересному. Теперь как раз уместно поговорить о художественном методе автора в целом. Следует ли из всего вышесказанного, что реальность воссоздана писателем всесторонне и глубоко? Иными словами, придерживается ли автор концепции реализма? На наш взгляд, нет. Если это и реализм, то какой-то... как бы сказать... психоделический, что ли, реализм.

Однако здесь мы вторгаемся в сферу сложных эстетических категорий, запутанных литературоведческих дискуссий, которые к читателю прямого отношения не имеют. Читатель сделал свое дело — ознакомился с повестью. Если у него осталось время и желание, он, возможно, дочитает и эпилог. Остальное же — удел критиков и других чудачков, которым не лень спорить на отвлеченные темы. Читателя это уже не касается.

Эпилог

Март неловко называть весенним месяцем. Какая уж там весна! Зима это, конечно. Просто уцелевшие после неистового февраля люди — ветреники, торопыги — не могут заставить себя прожить лишний денек при зимней власти, вот и придумали отговорку: мол, март, весна, Масленица и все такое... Нет. Зима, зима и зима.

Вместе с тем, (нельзя не признать) зимний дворец постепенно оседает, кособочится, утрачивает дух стылой надменности. Интерьеры уже не те. Не стало монументально-мраморных сугробов, содран сияющий ледяной паркет. Ухари-дворники с размаху швыряют на расчищенные участки асфальта смерзшиеся глыбы — прямо под ноги мимоидущим. Плиты изъязвленного капелью, покрывшегося траурными кружевами снега с замогильным стуком падают на тротуар, разбиваются, словно потускневшие древние зеркала, их осколки нехотя расползаются, издавая угрожающее шипение. Да кого теперь напугаешь?! Наоборот, каждый прохожий норовит злорадно пнуть крутящийся и шкворчащий, будто на сковороде, шматок снежного сала, выросшего чуть не за полгода. Грязно-серые куски спрессованного прошлого с циничным удовольствием крошат подошвами, растаптывают в крупу, и вскоре, пригретые солнцем, они теряют дерзость заостренных ломаных очертаний, начинают точить слезки, растекаются лужицами.

На проезжей части другая напасть: замешанная на снегу грязь затопила улицу во всю ширь. Пронесется по дороге автомобиль — оставит за собой отпечаток шин, наполненный мутной водой; если идущая следом машина угодит в тот оттиск, то из-под колес веером разлетятся стучки липкой мокроты, окатят толящихся на остановке пассажиров, стоящих у светофора пешеходов. Возмущенные такой наглостью люди смешно и страшно таращат глаза, пытаются, пятась или неуклюже дергаясь, спастись от слякотного душа. Тщетно! Раз довелось тебе жить весной, выбор невелик: либо подставляйся под грязные брызги, либо вязни по щиколотку в холоднущей трясине. Впрочем, двигаться колонной машинам не с руки. Каждое транспортное средство стремится оставить собственный след в истории, проложить собственную колею. И нескончаемо пластичное перемещение грядок тающего месива среди полосок талой воды.

Словом, приятным март не назовешь. Прежние хозяева погоды — морозы — изгнаны тепленькими сквозняками, известными продувными бестиями. Однако самостоятельно установить новый порядок нувориши-временщики не в силах, и приходится им помогать. Дворники, прохожие и автомобилисты — все вносят посильную лепту. Но более других стараются дети. Вот кто готов выстроить целую систему водоотводных каналов, вот кто безостановочно расширяет и углубляет русла ручьев, вот кто азартно обламывает каблуками кромку почерневших ледяных наростов, нависших над решетками сточных колодцев.

Стало быть, есть в ранней весне нечто обнадеживающее! Вдруг грянет горячее властное солнце, и каждая лужица, каждая расхлябанная колея, каждый налитый водой следок захотят его отразить. Тогда сияние (подлинно *неземное* сияние!) исходит от грязной, истоптанной земли. Такое ослепительное свечение вокруг, что невольно прикрываешь глаза, блаженно шуришься, как разомлевший котяра на припеке, глуповато улыбаешься, и так же поступают все вокруг. И кажется, будто люди искренне радуются друг другу, будто они абсолютно счастливы, будто испытывают ничем не омраченный, детский восторг перед прелестью бытия.

Или, столь же внезапно, как явилось яркое солнышко среди низких облаков, пахнет ветерок, принесет с собой тепло, да такое настоящее, такое летнее, что вялые, зачахшие за зиму легкие, что измученные, почти разорванные приступами кашля бронхи распускаются, подобно первоцветам. Чувствуя внутри себя это волшебное раскрытие бутонов, упиваешься прогретым воздухом, но не глотаешь сразу, а сначала перекатываешь капельку во рту, пробуешь небом, стараешься разобрать весь букет: оказывается, пахнет взрезанным арбузом; и мимозой пахнет, и бензином, и (странно!) морскими водорослями, и (удивительно!) сеном... Потом уже, услышав тончайшие оттенки ароматов, начинаешь вдыхать жадно, стаканами, литрами, быстро пьянеешь, и мерещатся тебе грядущие хорошие новости, выигрыш в лотерею и любовь прекрасной незнакомки, встреча с которой случится за ближайшим поворотом. Наверное, поэтому весной часто тянет без видимой причины изменить привычный маршрут делового горожанина, профланировать по какой-нибудь неизвестной улице, пройти чужим двором.

...Но непродолжительны славные минуты мартовского безмятежного довольства. Скрылось солнце за тучкой, померкло сияние, потянуло холодом — стало скучно. А если еще промочишь ноги в луже, или обрызгает тебя проехавший грузовик, или бесцельно глаза на витрину магазина, ненароком разглядишь собственное расплывчатое отражение (искаженное, как в комнате смеха, осунувшееся, пожелтевшее от авитаминоза лица), то только горестно покачаешь головою: «Да! Март...»

На самом донышке зимы он, этот месяц. На самом-самом донце испитой тобой зимы... Ты помнишь ли? Поздней осенью, в тот вечер, когда окончательно лег снег, не зажигая свет на кухне, нальешь до краев граненый стакан «Русской», осторожно поднимешь его, резко выдохнешь и начинаешь комками вливать в себя горькую, с каждым глотком отчетливее ощущая, как учащается пульсация сердечных клапанов, как подводит живот, как подступают горловые спазмы; одновременно (внутренне собравшись, полностью сосредоточившись на том, чтобы непременно допить, красиво и четко выполнить старинный мужской обряд) представляешь себе, как все это смотрится со стороны: вот в сумерках стоит у обклеенного ярко-белыми полосками бумаги оконного переплета человек с запрокинутой головой и воздетой рукой, а за стеклом — заснеженная земля; и во вставшей перед глазами картине становится очевидна композиционная законченность, которую некоторые называют грустным словом *неизбежность*...

Точно так же, в три больших глотка, проживают зиму со всеми ее метелями, заморозками, поземками, настами, пушистыми снежинками и низким солнцем, похожим на желток ядреного яйца деревенской курицы. В марте кажется: стакан вроде

опорожнен досуха, но по опыту известно, что стенки его обволакивает не различимая глазом влага, и можно сделать еще четверть глоточка, поэтому ты не двигаешься, по-прежнему держа на весу посудину, исподволь обретая новую точку зрения, глядя на мир через зеленоватую толщу граней, через полупрозрачное днище с проступившими на нем лунными знаками, изобретенными на энском стекольном заводе таинственными символами, подобными надписи надгробной на непонятном языке... А на ободке чарки тем временем неспешно набухает микроскопическая капля, вытягивается глицериновым головастиком и срывается тебе прямо в зев. И только сглотнув, наконец, капельку-последышек, вдруг ощущаешь резкий запах маслянистой сивухи, столь сильно шибяющий в нос, как будто это не ты опрокинул стаканчик, а тебя втянуло в него; только впитав остатную бисеринку водки, понимаешь, что таки да, дело сделано, и ты оказался по другую сторону трех судорожных месяцев. Ты даже немного удивляешься произошедшему: как это я сумел? как это я засандалил цельный стаканчик? Как это я пережил зиму? Ты, оглушенный крепостью сорокоградусных морозов, выбираешься из-под завалов засыпавшего тебя бесцветного ледяного хрусталя и не можешь поверить, что все позади... Однако понемногу выравниваешь задержанное памятным осенним вечером дыхание и начинаешь новую жизнь.

Каждый раз в марте — новая жизнь. А в тот год это чувствовалось особенно остро. С отчасти даже болезненной резкостью осознавалось, что затеплилась первая весна новейшей истории новейшего государства. Мы только привыкали произносить «Российская Федерация»... Как бы стеснялись выговаривать диковинное название, ломали язык, коверкали не легшее на слух словосочетание. Непонятно было, каким образом и откуда возникла неведомая страна, неясно, что последует далее. Неизвестно было, полюбим ли мы свою новую родину. Очевидно было одно: на российской земле тает советский снег.

К слову сказать, погода тогда основательно подпортила нам торжество обретения страны. Как-то все было обыденно и грязновато. Холодноватое как-то. Неуютно. Нет бы, например, солнцу включиться на полную катушку и установить температурный рекорд столетия. Нет бы деревьям распуститься досрочно и встретить первую весну новой России благоуханием нежных цветов. Отнюдь! Все осталось таким же, каким запомнилось при старом режиме. То же непрогретое выцветшее небо, те же обветшалые дома, те же немые машины, тот же затопленный слякотью перекресток. Даже люди, похоже, ничуть не изменились с прошлой весны.

Трудно было ожидать от них (да еще на фоне столь неприглядного пейзажа) всплеска пассионарного патриотизма, адреналинного выброса гражданских чувств, триумфального порыва к державной идентичности. Но, черт меня побери, что-то подобное проблескивало, когда лучи глянувшего в просвет облаков солнца рассыпались бриллиантов переливались в лужах. Острая свежесть весеннего ветерка опасной бритвой скользила по щекам, по горлу, дразнила и пугала холодком беспредельной свободы. От земли тянуло стылой сыростью избытого прошлого, а ласковое тепло будущего лета уверенно, но без панибратства обнимало за плечи зимние пальто, оглаживало ватные спины. Перекресток нервно курился выхлопами, злобно урчал, плевался — никак не хотел пропустить заждавшихся пешеходов.

Однако все же сморгнул, а затем и погас воспаленный глазок светофора, ринулись через дорогу долготерпцы. Первые шаги по переходу давались им нелегко, поскольку у бордюрного камня студеной жижа стояла вскрай, и двигаться здесь надлежало сноровисто, расчетливо. Женщины кокетливыми складками подбирали полы одежды, тянули носочки, будто в гимнастическом зале, с легким подскоком переступали туда, где, мнилось им, не так глубоко, где брызг поменьше. Просто балет на льду! Или, точнее, водная феерия: пикантно, грациозно, аккуратно. Женщины это умеют. Мужики... те форсировали лужу на разный манер: кто залихватским прыжком перемахивал талый затон и, циркулем ставя ноги, поспешал далее; кто, предусмотрительно подпернув

штанины, вразвалочку, по-гусиному семенил на пяточках по мозглому болотцу, смешно потряхивая благоприобретенным животиком и дряблыми ягодицами.

Среди забавно кривлявшихся прохожих, невольных участников уличного парада-алле, выделялся один паренек: шлепал, не разбирая дороги, прямо по воде. Быстрые ручьи бурлили вокруг его лодыжек, словно вскрывшиеся реки вокруг мостовых опор, слякотные лиманы коварно захлестывали его обувь — юноше все было нипочем. Казалось, ему даже доставляло удовольствие при каждом шаге погружать голенастые ноги в хляби вешние, хотя наверняка ботинки его давно промокли и злорадно чавкает в них ломающая стопы ледяная влага. Однако задорно и с вызовом блестели глаза бесшабашного молодого человека, а на губах подрагивала полуулыбка, готовая расплыться от уха до уха в ответ на мимолетную вспышку пробившегося сквозь хмарь солнышка или чей-нибудь беглый дружелюбный взгляд.

По обличью молодца легко было догадаться, что он, и без того явно не отличающийся собранностью субъект, выскакивал из дома впопыхах: шарф, подвязанный крупным узлом поверх воротника куцей болоньевой курточкой, съехал на сторону; брючины черных джинсов пропитались сыростью до самых колен, стояли колом; головного убора в помине нет. Длинные прямые волосы постоянно спадали на лоб, лезли в глаза, и парень мосластой пятерней поминутно откидывал назад взъерошенные космы. Мало того, его нечесанные патлы дергал, сплетал самым причудливым образом мартовский ветрюган-малолетка, которого авторитетные и при делах братаны засылают вперед — позырить, че к чему на районе, постоять на стреме или даже подначить кого-нибудь из чужаков, вызвать на драку.

Юноша шел по улице с ощущением полного, гармоничного, незаслуженного счастья. Таким невероятным счастьем невозможно ни с кем поделиться, и поэтому жалко становится окружающих, жестоко обиженных фортуной, не имеющих ни малейшего представления о том, сколь прекрасен подлунный мир! Может быть, они, обездоленные ближние наши, простят счастливому миг блаженной эйфории, если увидят размокшую обувь да растрепанную прическу? Может быть, чуточку меньше станут завидовать?

Как бы не так! У нас любой увязший в распутице пешеход (карабкается ли он вместе с той по осклизлому склону, ползет ли на полусогнутых встречь) оснащен не хуже того энтолога — всегда наготове сачок здравомыслия, наполненная парами житейского опыта склянка с притертой пробкой, а уж взглядов-булавок припасен целый арсенал: тут и изучающий рентгеноподобный зырк, и осуждающий зрак, и укоризненный взор, и недоуменное подрагивание ресниц, и настороженный прищур... Какой бы умопомрачительно красивой, невиданно редкостной бабочкой не воспарила твоя душа в минутном упоении, обязательно тебя поймают, усыпят и пришпилят к картонному планшету в соответствии с придуманной кем-то классификацией.

Но что за дело счастливцу до нацеленных со всех сторон косых взглядов! Пусть прохожие разят сотнями язвительных жал, пусть стынет грудь под порывами ветра, пусть схватываются ледяной коркой ступни, пусть завтра он потеряет голос, сляжет с горячным бредом — ничто не может лишить его роскошного ощущения счастья.

Легко обогнав толпу на переходе, юноша в три шага перемахнул проезжую часть, чуть не бегом направился вдоль решетчатого металлического забора городской больницы к воротам. Он спешил в седьмой корпус, в родильное отделение. Он час назад узнал о рождении сына.

Поскольку этот окрыленный молодой человек впервые появляется в нашей повести, мы ничего определенного не можем о нем сказать. Что это за персонаж? Откуда он взялся? Какое имеет отношение к тому, что происходило ранее?

Данные вопросы останутся без ответа. А раз нечего более сообщить, то и писать дальше не стоит.

Инна Начарова
(г. Уфа)

ДИВА
(повесть)

Писатель, переводчик, председатель Международной литературной ассоциации писателей России, Болгарии и Сербии. Лауреат Уральской премии «Белое крыло» (2007 г.) и всероссийской литературной премии «Белая скрижаль» (2013 г.). Диплом в номинации «За мастерство» Третьего международного конкурса в Дюссельдорфе (Германия), лауреат международной премии «Литература средство дипломатии» (2019 г., Болгария). Член Союза писателей Республики Сербия. Автор прозаических произведений в жанре «женская проза». Произведения опубликованы в России, Австрии, Германии, Болгарии и Сербии.

– 1 –

Нежнейший аромат духов из картонной коробочки пастельных тонов заставлял мечтать. Сегодня она купила их у местного коммерсанта Пишика. Он не был фарфой в чистом виде, лишь иногда приторговывал фирмой. Пишик был весьма упитанным кооператором, открыв первое кафе при заводской столовой. Без арендной платы пускал комитетчиков от комсомола на дискотеки в свое кафе. Коктейли уже, конечно, были за плату. За эти «щедроты» он и поехал по комсомольской путевке в далекую и волшебную Югославию. Югославия это вам не Болгария. Там все по-другому. И комитетчики шагали за Пишиком по старинным улочкам городков этой страны. Потому как Пишик быстро соображал, где и почему что купить и где выгодно поменять рубли на динары. Эта валюта практически олицетворяла доллары. Само собой Пишик прикупил товаров на продажу. И эти югославские духи. И она купила эти духи. Пишик скидки не сделал. Да она и не просила. Ее зарплата секретаря комитета комсомола крупнейшего советского завода позволяла не торговаться. Разноцветные лампы мигали под потолком, крутился шар из кусочков зеркал, отражая с сумасшедшей скоростью разноцветные огни. Музыка грохотала, вынуждая танцующих только улыбаться друг другу. Голосов было не разобрать. Все счастливы. Счастлив и Пишик. Коктейлей сегодня заводские комсомольцы заказали столько, что это позволило окупить ему расходы на заграничную поездку. Наборные каблуки польских, болгарских и венгерских босоножек на столь дефицитном капроне стройных ножек юных комсомолок лихо отплясывали под итальянцев. «Феличиту» пели все и даже на застольях. Теряя итальянское произношение, но не теряя энтузиазма. Пишик привез с собой кассету одной югославской певицы. Приятные балканские мелодии, сильный голос. Певица носила непривычное для русского уха имя Милица. И Пишик поставил ее кассету, делая передышку от итальянцев. Медляк. Но энергичный. На всякий случай сказал в микрофон:

— Белый танец!

Комсомолки кинулись приглашать комсомольцев. Но медляк быстро сменился на

лихие балканские хоровые. И медляк затоптался, парочки рассыпались, как бисер от многослойных бус. И вот уже все пляшут, лихо взявшись за руки.

— Пишик, кто это?— слышатся вопросы от танцующих.

— Югославская певица! Специально для вас привез!

— Дай переписать!

— Не бесплатно. Нет вопросов. Ноу халява,— уточнил предприимчивый Пишик.

— А то! Сколько хочешь?

— Кассета по пятере. Меньше не могу, ребят,— жалился Пишик. И все знали, что меньше пятеры не опустит никогда.

Все стали расходиться. Пишик закрывал заведение. Культурно и настойчиво выпроваживая пытающихся остаться. Комсомольская дискотека закончена. Выходят группами, разбиваются на парочки и исчезают в темноте близлежащих дворов.

— 2 —

— Вон, видишь его? — Милица стучала пальцем в стекло поезда, пытаясь показать на переезде мальчугана своему спутнику.— Он всегда встречает и провожает все поезда из Загреба в Белград и обратно.

— Его отец обходчик? — спросил ее спутник.

— Не знаю. Может быть.— Милица пожала плечами в модной кожаной куртке-косухе. Руководитель ансамбля, в котором она пела, строго следил за имиджем своих артистов. Она подстригла каскад и сделала крутую «химку». Ее волосы и без того были пышными и густыми, но химка дань моде и она не могла ей не следовать. На подходе запись нового диска и все предвещают ему невероятный успех. Милица ехала домой к родителям и сестре. Привезла ей много красивых модных нарядов и гостинцев родителям и дедушке. Дедушка растрогался от гордости за нее, его старшую внучку, ставшую знаменитой певицей на Балканах. Дедушка помнил войну. Называл русских братушками и в день Девятого мая каждый год пил ракию по два стаканчика. В этот раз она приехала не одна, а с Радованом. Радован деду не понравился, и это заметил ее спутник. И только сестра за столом шептала ей в ухо:

— Он и вправду руководитель «Южного ветра»?

Милица смешно закатывала глаза и кивала в ответ сестре.

Потом они гуляли по окрестностям. Трава в поле пахла детством, солнечными знойными деньками с ароматом чесночницы и прозрачными крыльями стрекоз. Под мостиком через речку цвели кувшинки. Мама напекла ароматного хлеба и сварила любимую ею гречневую кашу. Большой солнечный кусок топленого масла плавился в ней не торопясь. Милица схватила ложку и зачерпнула еще горячей каши. Протянула ее Радовану. Но он отрицательно качнул головой.

— Не любишь кашу? — по-детски удивилась Милица.

— Наелся в детстве,— сдержанно ответил Радован.

Когда они уезжали, мама и сестра плакали на перроне, а Милица долго махала им, высунувшись из окна.

— 3 —

Узкий переход между зданиями заводоуправления и конструкторского бюро всегда полон людей. Место перекуров. Кто с кем, когда и как — темы здешних бесед. На выходе из перехода дверь заводского комитета комсомола. Лара не ходила через переход, стараясь обойти шутящих курильщиков через улицу. Даже в лютые морозы, в капроне и туфельках с игриво накинутым на плечи пальто, она героически ходила через улицу.

Сегодня заседание комитета комсомола завода по важному вопросу: распределение путевок в солнечную Югославию. Лара знала, что одна путевка для нее. Но в

совсем посторонней кампании ехать не хотелось. Когда все собрались, она написала на бумажках фамилии претендентов, скомкала эти бумажки и положила в большую деревянную вазу, стоявшую на подоконнике с незапамятных времен. При извлечении этих бумажек в порядке очередности возникла суeta. Перспективный молодой конструктор первым достал из вазы бумажку, развернул и прочитал фамилию. Да не ту, которую ей хотелось.

— Вы почему торопитесь? — строго сказала она ему. — Я еще не дала старт жеребьевке, а вы уже достаete.

В момент этой гневной речи Лара выбросила в мусорную корзину эту первую появившуюся из вазы бумажку.

— Итак, начнем, — торжественно объявив начало, Лара собственноручно достала из вазы следующую бумажку. Оказалось, что с нужной ей фамилией. Она повернулась к молоденькой комсомолке, работавшей технологом в одном из заводских цехов:

— Начинайте вести протокол нашего собрания. Пишите фамилию первого претендента.

В это время суетливый и все время улыбающийся комсорг заводоуправления выудил из вазы очередную бумажку, и опять не ту, на которую она рассчитывала.

— Товарищи, я требую соблюдать регламент! Это же важное официальное мероприятие. Прошу без самодеятельности! — она выбросила и эту бумажку в корзину. — Итак, продолжаем!

Ее рука достала из вазы бумажный комок. Фамилия в нем оказалась нужной.

— Мы завершаем голосование по кандидатурам для поощрения туристическими путевками в братскую республику Югославию. Все свободны. Идите, работайте, товарищи.

Все потянулись к выходу. Для поездки оставалось пройти собеседование в райкоме, да купить две бутылки водки, один фотоаппарат «Смена» и наручные часы «Чайка». Это разрешалось провозить через границу и эти товары из СССР югославы охотно покупали.

— 4 —

До концерта в селе оставалось не так уж много времени. Из Румынии Радован привез ткань. Милица с сестрой шили и по ночам новое концертное платье. Новомодный люрекс переливался, как снег на солнце, обещая еще ярче сверкать при свете клубных софитов. В Загребе открылась зимняя олимпиада. На ее открытии советская делегация была одета в дубленки с накинутыми поверх них яркими цветными павлово-посадскими шальями. Милица теперь замечтала о такой шали и думала, где ее раздобыть. Может быть, у спортсменов попробовать купить.

Мама сварила бульон из домашней курицы и накармливала Милицу, причитая, что дочь совсем исхудала на гастролях.

— Мама, мне нужна фигура! — твердила ей Милица.

— А мне нужны внуки, — возражала мама. — А с таким весом кому ты можешь понравится, кожа да кости!

Милица ела наваристый суп, а потом за домом прыгала на скакалке. Отец собирался в Белград на какую-то манифестацию «Югославия для славян». Ходили разговоры, что жители Косово устраивают там же свою манифестацию «Косово косоварам». Но эта гражданская неразбериха мало волновала Милицу. Платье было готово. Маленькое мини с открытым декольте и плечами повергло маму в шок, а отцу и не показывали его вовсе. Современная эстрада требовала блеска и максимальной оголенности. Туфли на высоченной шпильке куплены у частных продавцов. В магазинах продается только «удобная» обувь. Драгана снова уезжала из дома. Мама заботливо паковала отварную курицу ей в дорогу.

— Мама, ну куда же я с ней?! — противилась звезда.

Но курица благополучно доехала до места назначения и была враз съедена музыкантами «Южного ветра» под ароматную виноградную ракию.

Протяжные переливы ее голоса со сцены заставляли зрителей в зале то плакать, то смеяться. Они аплодировали ей стоя. Кричали, какая она прекрасная и талантливая. Ее земляки. Она любила их как каждый любит свой народ, единый по крови и вере. Эти люди целыми днями работали в полях и на фермах, как и ее родители. Варили своим детям куриный бульон и жарили по праздникам свинину. Запивали ее ракией и частенько пели их народные песни. Те, что поет сейчас для них она.

– 5 –

В уличном кафе все столики были заняты. Официанты юрко сновали между гостями с чашками послеобеденного кофе. Его аромат витал над столиками и разносился по всему кварталу центрального Белграда. Здесь кофейни всюду. Вывески «Кафана», как осколки турецкого ига, рассыпались по улочкам этого древнего города.

Милица словно кошка щурилась на солнце, наслаждаясь древним напитком. Она изящно держала чашку рукой, одетой в кружевную митенку. Тренд сезона в сочетании с кожаной курткой. Из-за ее спины возник букет цветов. Ромашки. Миодраг обогнул ее и, чмокнув в напудренную и нарумяненную щеку, сел за столик.

— Мио, я же просила тебя: никаких полевых цветов! — надула губки Милица.

— Букетик нежности не по вкусу фолк-звезде? — Миодраг залиvisto рассмеялся, запрокинув голову, и его черные густые волосы растекались по плечам.

— Смеется тот, кто смеется последним, — сумничала Милица.

— Последним смеется тот, кто не понял шутки, детка, — возразил Мио.

— По поводу звезды ты ошибся. Меня сегодня выперли из «Южного ветра»! — чуть не плача сказала ему Милица.

— Да? И кого же они взяли на твое место?

— Естественно новую пассию Радавана!

Они допили кофе и пошли к мотоциклу Мио. Ромашки остались на столе, грустно глядя им вслед желтыми своими очами. Мотоцикл рванул с места и понесся по улицам, петляя среди машин и пешеходов. Милица счастливо смеялась, крепко держась за Мио.

— Вот он, настоящий южный ветер, милая! — кричал ей Мио, и его слова захватывал ветер, не пуская их к Милице.

— Куда мы приехали? — спросила Милица, когда мотоцикл остановился около входа в советское посольство.

— Мы едем в тур. В тур по Советскому Союзу! — Мио протянул ей руку, приглашая подняться по ступеням посольства.

— Ущипни меня! Как ты это организовал? И с кем я буду выступать? Где ты возьмешь музыкантов для этого тура? — Милица не верила своим ушам.

— Я все устроил, детка. Идем получать въездные визы. А с твоими будущими музыкантами я познакомлю тебя позже. Тебе предстоят большие репетиции.

Она кинулась к Мио на шею. Целовала его и обнимала. Прыгала вокруг него со словами: «Я теперь звезда!» Наконец ему удалось затащить ее внутрь.

– 6 –

Сегодня Лара достала из упаковки единственную новую пару колготок небесно-голубого цвета с черной блестящей пальмой на шиколотке. Из шифоньера извлечено клетчатое розово-бирюзовое платье — только что от портнихи. Надо нарядиться. В заводском дворце культуры сегодня концерт югославской певицы. Ее закадычная

подруга Ольга к такому случаю связала новый зеленый костюм с разноцветными бантиками на кофте. Прямая мини-юбка открывала ее ноги не совсем по моде, но очень секси. Все женщины большой страны стремились к такой длине своей одежды. Новые номера журнала «Бурда» передавались из рук в руки и сотрудницы цехов и отделов завода без усталости кроили и шили. Кто не умел, копировали модели в отделе технической документации на огромном станке под названием «ЭРА», оставляли шоколадки работнице «Эры» и бежали с этими черно-белыми листочками к своим портнихам. Таблетки гидроперита толкли в кулинарных ступках, смешивали их с аммиаком и красили волосы. Блондинами хотели быть все. Ее подруга была блондинкой от природы. Длинные волосы завивала на бигуди и закалывала ассиметрично с боку заколкой — автоматом. Перламутровая помада и перламутровые стального или голубого цвета тени дополняли образ каждой модницы.

Вечером фойе ДК сверкало и переливалось люрексом одежды, блестками бижутерии. Аплодировали югославской певице от души. Протяжный и одновременно зажигательный балканский турбо-фолк пришелся по душе зрителям в зале. Здесь все знали друг друга. На заводе работают семьями и целыми династиями. Женщины из зала внимательно разглядывают одежду, прическу и украшения зарубежной певицы. После концерта Лара с Ольгой на эмоциональном подъеме перешли дорогу и заказали по коктейлю в баре у Пишика, немного потанцевали и разошлись по домам.

– 7 –

Запись песни на югославском телевидении — это слава. Белая широкополая шляпа, белые брюки и белый двубортный пиджак оттеняли ее черные кудри. Перламутровая помада подчеркивала смуглость кожи. Она пела на вентилятор. Камера снимала ее развевающиеся от ветра локоны. Она пела о свидании на берегу, и все зрители у экранов телевизоров были уверены, что ей в лицо дует морской бриз, а не старый редакционный вентилятор с треснувшими кое-где лопастями. Съемки закончены после операторского выкрика: «Снято!» Все враз, словно воздушные шарик, сдулись. Милица вытирает грим влажной салфеткой и идет к кофейному автомату, снимая на ходу белоснежный пиджак.

— Мадам Милица! — кричит на весь коридор ассистент оператора. — Вас просят к телефону!

Милица, вздохнув, разворачивается и идет обратно, перекинув пиджак через руку. Проходя мимо ассистента, замечает:

— Не мадам, а мадмуазель.

— Но вас спрашивает мужской голос, — ехидничает ассистент, неловко поправляя на носу круглые очки в тонкой металлической оправе. А Милица уже кричит в трубку:

— Да, дедушка! Слышу тебя! Я привезу Радице фотокарточку! Обязательно! Так и скажи ей!

Милица кладет трубку на рычаг и оборачивается к ассистенту:

— Ты запомнил: мадмуазель?

Она берет сумку и уходит, даже не взглянув на кофейный автомат в коридоре. У крыльца на мотоцикле ее ждет Мио. Она целует его и садится сзади. Ветер ловит его слова, а ей бросает лишь осколки. Она кричит ему:

— Все хорошо! Я теперь звезда! Звонил дедушка и просил для соседней мои фото с автографом!

Она не знает, доносит ли ветер ее слова до Мио. На берегу Дуная они сидят прямо на песке. Целоваться уже нет сил. Солнце сегодня ласковое и потекает июньскому ветру, играющему с водами реки, отражающими тысячу солнц. Дунай — река любви.

С утра Пишик отирался в комитете комсомола. Давал Ларе советы, что, где и как купить в Югославии, а свое продать. Валюты меняли совсем мало, а хотелось красивых импортных нарядов и косметики. Она слушала его вполуха. Разбирала бумаги на столе и составляла список на выдачу комсомольских билетов и значков вновь вступившим. Затем кабинет заполнился людьми, внесли корзину с цветами. Гвоздики в корзине были крупные и свежие. К означенному часу все двинулись к выходу, перешли дорогу и выстроились в ровную шеренгу перед памятником героям Великой Отечественной войны. Сегодня, двадцать второго июня, в день памяти и скорби, они возлагают цветы. Потом все спешат на обед. Кто-то в заводскую столовую, а кто-то в ресторанный закусочный через дорогу. В заводской столовой дешевле, а в ресторанный закусочный разнообразнее. Пишик, конечно же, идет в сторону ресторана. Большинство — к заводу. К Ларе подходит ее подруга Ольга:

— В столовую идем?

— Да. Очень есть хочется,— отвечает Лара.

— Что с собой брать то? — взволнованно вздыхает подруга.

— Купальник не забудь. На море будем несколько дней.

— Я на море никогда не была,— вздыхает подруга.

— А я один раз в детстве с родителями,— отвечает она,— но уже ничего не помню, кроме самого моря.

Они смеются. В столовой берут по салату, суп и второе. Ну и конечно компот из сухофруктов! Царь любого советского обеда.

— Кто еще с нами едет? — спрашивает подруга.

— Пока не знаю,— отвечает она.

К ним подсаживается Яна из второго цеха.

— Привет, девочки! Как дела? — жизнерадостная Яна скоро выходит замуж. У нее будет настоящая комсомольская свадьба в кооперативном кафе у Пишика. Комитет комсомола уже подготовил сценарий и поздравления молодым.

— Все хорошо! — отвечает Лара.— Ты туфли свадебные купила?

— Уф! С туфлями целая эпопея. По талону в Свадебном салоне туфли только тридцать девятого размера. Мама на какой-то базе обувной в Черниковке договорилась обменять их на мой тридцать седьмой. Но зато они венгерские!

— Здорово! — воскликнули в один голос Лара и Ольга.

— Ян, дай талон в Свадебный салон, я сейчас туда сбегая и шорты себе красные куплю. Там их вчера продавали. Но без талона из ЗАГСа никак. Я как только продавщицу не уговаривала. А шортики тоже импортные. По-моему, чешские.

Яна достала из сумочки заветный талон и отдала его Ольге.

— Только не потеряй! Я еще жениху там рубашку на свадьбу не купила!

Но Ольга уже неслась к выходу.

Наконец-то поезд, чухнув, остановился на перроне Белградского вокзала. В тамбуре у выхода возникла толкотня. Все спешили на свежий воздух. Трое суток из Москвы транзитом через Румынию с ее бесконечными виноградниками и горами деревянных тарных ящиков вдоль железнодорожного полотна. На станциях оборванные и нечесанные цыгане жестами просили закурить. Цыганки в пестрых одеждах спали на скамейках. Двери на станциях в транзитных поездах не открывали. И вот прокуренные тамбуры выпустили весь дорожный дым. А проводницы по купе собирали в мешки пустые бутылки из-под русской водки, так и не успевшие стать контрабандой.

Солнце буквально окружило всех и каждого. Туристический автобус ждал на

привокзальной площади. К соседнему вагону подошла компания молодых людей с пышными модными стрижками. В руках цветы, на лицах радость. Из вагона спустилась девушка в кожаной короткой куртке и с такой же прической, как у встречающей ее компании. Все кинулись к ней, обнимали, целовали, передавали букеты.

Ольга сказала Ларе:

— Узнаешь? Это ведь та югославская певица, что у нас во дворце культуры выступала!

— Точно! Значит, она с нами в одном поезде ехала?

— Пойдем автограф у нее возьмем! — не унималась подруга.

— А можно? — заинтересовалась Лара. Но Ольга уже бежала к соседнему вагону, волоча в одной руке набитую дорожную сумку с надписью «СПОРТ». Она протиснулась сквозь группу встречающих и протянула певице блокнот и ручку. Улыбалась и повторяла:

— Автограф, пожалуйста, дайте!

Певица повернулась к встречающим и что-то сказала. Они рассмеялись. А она взяла блокнот и ручку, что-то написала и протянула обратно Ольге со словами:

— Я люблю Россия. Я там пела!

Ольга закивала головой:

— Знаю, знаю. Мы были на вашем концерте!

Певица удивленно вскинула брови, затем протянула Ольге руку:

— О! Я очень радость!

Оля пожала руку певицы и, помахав остальным, пошла к туристическому автобусу. Автобус тронулся и из динамиков зазвучало: «Мой маленький плот вовсе не так уж плох».

— Ой, посмотри, что это? — раздавалось со всех сторон в отельном ресторане за завтраком. Наряду с традиционными кашами, яйцами и колбасами на столах разложены маленькие коробочки с маслом и ягодными джемами.

— Надо взять их с собой домой,— деловито сказала Ольга, напихивая этими коробочками карманы спортивной мастерки. Так делали все. И Лара тоже положила несколько коробочек в карман.

После завтрака все погрузились в автобус и поехали на экскурсию по Белграду.

Белград оказался городом старинным. Они смотрели в окна автобуса, восхищались обилием роз на улицах, вечером после ужина собрались всей группой в одном из номеров и пили водку, которая сохранилась только у Ольги в дорожной сумке. Закуски нанесли с ужина из отельного ресторана с избытком. Грезили о том, кто что купит.

Утро в отельном окне обещало солнечный и интересный день. После завтрака уезжали в Нови—Сад. Ехали долго, останавливались пару раз в маленьких городках. Сидели в кафе, курили, пили кофе, ели огромные югославские персики, купленные у местных. Сок от персиков тек по подбородкам, было вкусно и весело. На очередном таком привале за соседним столиком увидели ту самую знакомую певицу. Ольга бросилась к ней с объятиями. Певица обрадовалась ей как старой знакомой.

И вот уже все сидят за одним столиком, поют «Дунай, Дунай, а ну узнай, где чей подарок...». Певица вполне сносно говорила на русском языке, называла Ольгу и Лару «другарками». А вечером они встретились в условленном месте в городке Нови-Сад и отправились на дискотеку. Утром после завтрака руководитель группы распекала их за самовольство. Они кивали головами и знали, что самовольство повторится... Югославская певица с гастрольным туром ехала по тому же маршруту к морскому берегу в Дубровнике.

Берег этот был невероятно хорош! С мягким теплым песком и нежным морем. Сосны на берегу делали воздух нереальным. Это место, где ты счастлив. Даже если в других местах мира ты этого не знал. Их югославская подружка пела на дискотеках и сборных концертах. Раздавала им свои букеты и водила по барам.

— Мио! — кричала она, идя к морю. Ноги утопали в теплом бархате песка. Яркимонный бикини бледнел на ее уже загорелом теле.

— Мио! — она вошла в воду, ступая по отмели. Вода приятно ласкала ступни. Мио шел к ней по морской глади, стройный и мускулистый. Мокрые волосы мелкими спиральками спадали на его загорелые плечи. Она невольно вновь залюбовалась им. Он целовал ее нежно, как ребенок, который боится, что пирожное рассыплется. В мире царил нег. А вечером Ольга говорила Ларе, что нельзя уводить парней подруг.

— Она мне не подруга! — возразила Лара.

— Но ты с ней знакома! — не сдавалась Ольга. — Мио ее парень!

— Он что, крепостной? — Лара засмеялась.

— Она к нам хорошо относится, а ты?

— Что я?

— А ты увела у нее парня!

Ольга села на свою кровать в их четырехместном бунгало с раковиной и обеденным столом. В этом прибрежном молодежном туристическом лагере в центре Европы удобства были на улице, словно в какой-нибудь советской деревне. Лара смотрела, как Ольга, сосредоточенно глядя в зеркало, втирает тональный крем в кожу лица и шеи, как наносит румяна на скулы и аккуратно, почти не дыша, выводит модные стрелки на верхних веках.

Лара вытряхнула из косметички вазелин и намазала им губы. Забрала волосы в хвост и надела новый бирюзовый джемпер, купленный здесь два дня назад. После ужина в столовой их ждали дискотека, местные коктейли, а Лару еще и поцелуи от Мио. Во всяком случае она на это рассчитывала.

Когда подруги уже собрались выходить, с пляжа вернулась их соседка по комнате. Со словами «Подождите меня», она засунула голову под кран в раковине. Отжала мокрые волосы. Химическая завивка на волосах от воды стала мелкими завитушками. Соседка называла это «мокрой» химкой. С удовольствием оглядев себя в зеркале, она повернулась к Ольге и Ларе:

— Ну что, пошли, девчули?

Те кивнули и все вместе, не торопясь, пошли в сторону столовой. Завтра они уезжают домой.

Автобус остановился у Белградского вокзала. Все забирали свои сумки, пакеты и шли к перрону. Московский поезд уже подали, как всегда, на первый путь. Мио с огромным букетом роз стоял на перроне. Ольга укоризненно посмотрела на Лару.

— И что? Я уезжаю, а он остается этой певичке, — ответила она на безмолвный вопрос подруги.

Мио отдал Ларе розы и ушел не прощаясь.

— Розы — мужские слезы, — пропела Ольга.

— Не смейся. Розы завянут в поезде через пять минут, — печально ответила Лара.

— А кто сказал, что мужские слезы — это надолго?

Лара с Ольгой зашли в поезд и стали накрывать столик в купе. Достали из пакетов брынзу, лече, конфеты. Последней появилась бутылка ракии.

— С утра? — вскинула удивленно брови Лара.

— За высохшие слезы, — ответила Ольга.

Поезд тронулся, замелькали в окне люди, дома, поля.

— А все-таки она хорошо поет, — задумчиво, глядя в окно, проговорила Ольга.

Лара поджала губы и, кивнув на розы, лежащие рядом с ней на полке, ответила:

— Похоже, не очень.

Подруги засмеялись.

На комсомольской свадьбе Яны гуляли весело в кооперативном кафе у Пишика. Лара, пытаясь перекричать подвыпивших гостей, провозгласила:

— А сейчас конкурс! Кто быстрее и больше надует воздушный шарик!

Все стали хватать у нее из рук шарики, слышались хлопки лопающихся и девичий визг. И вот уже с десятком надутых воздушных шаров трепыхаются вокруг праздничного стола. Лара внимательно их оглядела. Приметила один и, глянув на слегка не трезвого комсомольца, держащего этот шарик, спросила:

— Ты надул?

Комсомолец кивнул. Лара громогласно провозгласила:

— Вот он! Лучший надувальщик коллектива! — и вручила ему блокнот в качестве приза.

Затем все принялись снова пить за молодых. В зал вошли двое милиционеров в форме. Мама невесты взволнованно бросилась к стражам порядка со словами:

— Проходите! Угощайтесь! У нас свадьба безалкогольная, комсомольская.

Стражи порядка важно закивали. И все понимали, что на столах в бутылках из-под минералки разлита водка.

Мама невесты сунула одному из милиционеров двадцатипятирублевую купюру. Тот засунул ее в карман кителя, и они ушли. Подружки невесты и друзья жениха потянулись в туалет курить. Невеста грустно смотрела им вслед. Ребята из приглашенного ансамбля заиграли «Дорогу к морю». Подвыпивший пожилой родственник пытался танцевать «Яблочко». Новоявленная теща урезонивала его:

— Иван, не мешай уж. Молодежь гуляет.

Иван, не сдаваясь, выкаблучивал по старой морской привычке.

К Ларе подошла невеста и спросила:

— Саню не видели?

Лара пожалала плечами. Знала, что жених с Ольгой либо в мужском туалете, либо в подсобке кафе. А куда еще деться жениху на собственной свадьбе, если его бывшая подружка на этой свадьбе не его невеста и ее тоже нет в зале. И бывшая ли...

— Курит, наверное, — ответила Лара.

— Нет его там, — невеста еще раз обвела взглядом зал. Тут Иван стал вокруг нее плясать свое «Яблочко», наступая на белый кружевной подол.

— Мужчина, отстаньте от невесты! — строжила гостя Лара. — Она и так устала.

Заметила, как в зале появился жених и Ольга. Лара облегченно выдохнула и завела новый конкурс.

Импресарио в Вене вполне сносно говорил на сербо-хорватском языке. Милица кивала в такт его словам.

— Уважаемая госпожа Милица, один австрийский меценат, хорват по происхождению, пожелал оплатить все расходы по организации ваших концертов здесь, в Вене.

Милица удивленно подняла брови.

— Да! Да! — продолжал импресарио. — Он же ваш земляк! И теперь вы можете дать у нас не один, а три концерта!

Не успела Милица, ошарашенная таким поворотом событий, ответить, как в дверях появился высокий импозантный мужчина. Импресарио бросился к нему:

— Здравствуйте, уважаемый господин Николич! Как я рад вашему визиту! А вот и наша молодая голосистая птичка! — импресарио повернулся к Милице.

— О, очень приятно! — мужчина галантно прикоснулся к ее руке. — Я ваш поклонник!

Милица растерянно улыбалась. Господин Николич понял ее смущение и дружелюбно добавил:

— Надеюсь, ваши концерты пройдут с аншлагом! В Вене небольшая диаспора сербов и хорватов, но у нас много австрийских друзей здесь, которые любят балканскую музыку. Тем более в таком прекрасном исполнении!

Милица раскраснелась. Импресарио подобострастно смотрел на мецената. Господин Николич заторопился и со словами: «До скорой встречи!» удалился.

— Теперь вы понимаете, как вам повезло, милая? — вернулся к ее персоне сухощавый организатор.

Милица пришла в себя и резко ответила:

— Во-первых, никогда не называйте меня птичкой. А во-вторых, запомните, что мне не повезло, а я родилась с талантом!

Она вышла, не попрощавшись.

Импресарио прошелестел ей вслед:

— Как быстро привыкают к хорошему.

Милица вышла на улицу и медленно шла вдоль домов и скверов этого старинного города. Думала, что когда-нибудь привезет сюда сестру, родителей и бабушку. Невзирая на удачное финансовое решение, она пообедала в дешевом уличном рыбном ресторанчике. А на следующий день после концерта она уже сидела с господином Николичем в самой дорогой кондитерской этого города. Смаковала легендарный торт «Демель» и слушала комплименты своего так неожиданно появившегося покровителя. Хрусталь старинных люстр отражал множество ламп, словно тысячи солнц. Она вспомнила Дунай и Мио. На мгновение. Это кафе напоминало ей сцену. И вот господин Николич уже предлагает ей снять клип в Вене. Милица улыбается и спрашивает:

— На каких условиях?

Господин Николич без тени улыбки отвечает:

— Я бизнесмен. И рассчитываю получить с этого клипа прибыль, транслируя его на своем телеканале. Вы получите гонорар в полном объеме, но авторские права будут принадлежать мне.

Милица легкомысленно согласилась.

– 13 –

Сегодня субботник. Праздник физического труда. Комсомольцы собираются у здания третьего цеха. Здесь свалка промышленного мусора. Осколки старой арматуры, железяки, обрезки труб. Из динамика на стене цеха звучит известная всем песня: «...и Ленин такой молодой, и юный октябрь впереди». Лара в модных дутышах сероголубого цвета, коротенькая шубка, обрезанная из маминой искусственной под верблюжью. Теплая вязаная шапка и намотанный вокруг шеи шарф. Красоту и на субботнике никто не отменял. Приветственная речь участникам — и все начинают разбирать мусор, грузить в контейнер. Шутки, смех, как бусины, стучаются о металл и осколки кирпичей, и вновь звонко летят в светлое осеннее небо. Небо дышит снегом. Завтра демонстрация на день седьмого ноября. Праздник революции празднуют с размахом. Ольга шепчет Ларе на ухо, отогнув рукой край ее вязаной шапки:

— Ты только посмотри, стоит, матрену свою караулит. Можно подумать, что она кому-то нужна кроме него. Зубы у нее, как у лошади.

Лара шепчет ей в ответ:

— Тише ты. Не красиво. Она моя подруга.

— С такой чукоткой и дружить стыдно, — не унимается Ольга.

Лара наклоняется, чтобы поднять обрезок трубы. Ольга берет его с другой стороны. Тут перед ними возникает Саня и со словами «Девушки, разрешите», берет трубу у них из рук. Слышатся возгласы:

— Ну, ты герой!
— Кавалер!
— Жена-то тебя съест, чужим красоткам помогаешь!
Лара пресекает шутки:
— Если бы все вы парни так делали, то ваши жены вами бы гордились.
Комсомольцы притихают. И только неугомонный Пишик возражает:
— Так у нас равенство мужчин и женщин! Восьмое марта потому и празднуем!
Все смеются. Ольга кокетливо благодарит Саню. К ним подходит Яна и берет мужа под руку. Лара по обыкновению спасает положение:
— Спасибо, Саша! Привык жене помогать. Эх, Яночка, хороший у тебя муж!
— А мне плохой-то зачем? Да и кому плохие мужья нужны! — Яна обводит рукой, показывая на собравшихся, и продолжает.— Вон их сколько! И красавцев, и умников. А чего-то не больно разобрали... Видать, с изъяном товар — вот и залежался!
Девушки залиристо смеются, а парни выкрикивают: мол, выбирают, это для них подходящих девушек нет.
Яна поворачивается к Ольге и продолжает:
— А за моим вон очередь! Оль, за тобой кто занимал? Или ты по-прежнему последняя?
— Дура ты, Янка! — Ольга демонстративно начинает собирать мусор, а Лара начинает раздавать указания к завтрашней демонстрации. Музыка из динамика придает колорита песней «Комсомольцы-добровольцы».
Технолог конструкторского бюро Танечка вполголоса спрашивает у Лары, где она купила дутыши.
— В Москве. К тетке в отпуск ездила, у нее соседка торгует дефицитом. Вот сапоги эти купила и парочку платков индийских.
— Один платок не продашь?
— Нет. Маме подарила. Про сапоги у Пишика спроси, может у него есть.

– 14 –

Проспект таял. Ровно посередине тротуара образовалась проталина, полная воды. Лара не совсем уверенно балансировала между сугробами и лужами в новехоньких итальянских сапогах на высоченной шпильке яркого кораллового цвета. Сапоги эти они с Ольгой купили в ГУМе. Выстояв огромную очередь, ухватили последнюю пару ее размера. Прохожие смотрели на Лару с восхищением. Ну, во всяком случае, ей так казалось. Зачем она потащилась пешком с завода в такую распутицу,— корила Лара сама себя. Конечно, цель такого пешего похода была. Она договорилась с одной малознакомой женщиной, некогда соседкой по больничной палате, работающей в кондитерском магазине, о том, что та оставит ей свежий торт «Маска». Вот за этим тортом она и шла. Завтра у Ольги день рождения и она решила ее удивить. В продаже были только кремовые бисквитные торты. Но «Маска» случалась в продаже редко и за ней надо было выстоять очередь. Тортик забрала. Зашла в соседний гастроном. Там «выбросили» майонез. Очередь двигалась быстро, и Лара встала в конце. Через полчаса она стала обладательницей четырех стеклянных маленьких баночек майонеза «Провансаль». Обрадует и родителей. Можно делать селедку под «шубой». В троллейбус садиться не стала, побоялась помять торт. Так и шла, как эквилибрист, пешком. Из телефона-автомата позвонила Ольге домой и сказала, чтобы она торт не покупала и не пекла. Ольга обрадовалась.

Подруга сияла в новом платье. Все ее поздравляли. Дарили духи «Жизель» и «Москвичка» в коробочках, коробки конфет и шоколадки, букеты красных и белых гвоздик. Лара любит аромат «Жизели». Воздушный и цветочный. Хотя у соседа-фарцовщика Васьки-супа они с мамой покупают «Клема» и это необыкновенно. Аро-

мат духов этих был везде: на платьях, волосах, шарфах, шелковых платках. Васька-суп торговал всем: от французских духов до австрийских сапог. Лара в них и ходила зимой. Зарплата у Лары в комитете комсомола была как у ведущего инженера в конструкторском бюро. И к отпуску приплачивали еще размер оклада за сложность работы.

Вечером компанией отправились к Пишику в бар. Возвращались поздно. Поймали у кафе такси и разъехались по домам вскладчину. В такси Ольга шептала Ларе на ушко:

— Как ты думаешь, если я Саньку на концерт «Веселых ребят» приглашу, пойдет?

Лара повернулась к подруге:

— Ольга! Ты с ума сошла! Его жена моя подруга!

— Твоя. Твоя подруга, Лара. Не моя. А Санька мне давно нравится.

— Я этого не слышала.

Ольга засмеялась:

— Слышала! Слышала!

Таксист с армянским акцентом весело добавил:

— И я слышал.

Они обе засмеялись. Лара спохватилась и строго сказала таксисту:

— Ведите машину. Вас не спрашивают.

Таксист ответил:

— Какой ты грубий девишка. Вот твой подружка очень даже хороший!

Ольга повернулась к Ларе:

— Слышала! Я хороший! А ты забыла красавчика Мио? Его подружка была и моей подружкой!

— Господи! Они оба остались там. А мы-то все здесь.— На последних словах Лара грустно улыбнулась.— Хотя лучше Мио может быть, наверное, только Мио.

Ольга попыталась утешить подругу и спросила у водителя:

— Где тут ближайший бар?

— Милий девишка, тэпэр только в Хелсинки! Время уже одиннадцать и все бары закрыты. Люди спят.

– 15 –

С боснийкой Ханкой Палдум Милица теперь часто давала совместные концерты. Предконцертная подготовка позволяла поболтать за фужером вина и чашкой кофе. Ханка любит большие блестящие украшения, сияющий атлас и яркий шелк. Милица смотрит на нее, как на королеву сцены. Ханка и держит себя по-королевски. За кулисами говорят, что живет она в настоящем замке в горах.

— У тебя отличный парень! Он очень красив и видно, что любит тебя,— говорит ей Ханка.

Милица задумчиво отвечает ей:

— У этой любви нет крыльев...

Ханка внимательно посмотрела Милице в глаза:

— Значит ты его не любишь, девочка.... Любовь не бывает бескрылой.

Милица вздохнула и развела руками. Ханка рассмеялась:

— Молодость и не должна быть мудрой. На то она и молодость!

Они пели дуэтом проникновенную песню об одном мужчине двух женщин. Зал плакал. Потом взорвался аплодисментами. Цветы не вмещались в объятия. Милица счастливо улыбалась. Потом в гримерке они пили красное сербское вино и Милица спросила:

— Почему на всех наших концертах именно эта песня пользуется наибольшим успехом?

— Потому что она про жизнь, девочка! — отвечала ей Ханка.

— А я никогда ни одного мужчину не стану делить с другой женщиной!

— Дай Бог, девочка! Дай Бог, чтобы тебе не пришлось это пережить. Пусть для тебя это будет только песня,— Ханка сложила руки как для намаза и рассмеялась.— Концерт окончен! Благодарю тебя за дуэт, другарица! С тобой легко работается.

Милица в свою очередь поблагодарила Ханку и добавила:

— Я хочу быть похожей на вас. И стать лучше вас!

Ханка захлопала в ладоши:

— Ты станешь звездой! В тебе есть фарт!

— А разве теперь я не звезда? — удивилась Милица.

— Звезда, девочка! Но у тебя большое будущее: ты станешь мега-звездой для наших соотечественников по всему миру!

— Так и будет,— храбро ответила Милица и стала прощаться с Ханкой.

— У вас очень красивое кольцо,— добавила Милица.

— Хочешь, я подарю тебе его?— с готовностью ответила Ханка.

— Нет. Спасибо. У меня будет свое. И оно будет лучше этого,— Милица помахала Ханке и исчезла за дверью гримерной.

— Дай Бог, девочка. Дай тебе Бог,— прошептала ей вслед Ханка и пригубила вина из высокого фужера. Оглядела цветочное великолепие букетов.

— Мир вертится по прежнему благодаря людскому тщеславию,— сказала Ханка своему отражению в зеркале, встала, накинула палантин и пошла к выходу. Дома ее ждали два персидских кота и новая видеокассета с фильмом «Время цыган» обожаемого ею Эмира Кустурицы. Он в свое время говорил ей, что война не поделила их:

— Мы как были югославами, так и останемся, все остальное блеф.

Тогда она возразила ему, что в их жилах течет разная кровь. И он перестал ей звонить и приходил на ее концерты. СМИ называют его сербским националистом. А его фильмы говорят о нем как о космополите, исповедывающем общечеловеческие ценности. И за это Ханка любит его. За его огромный талант, поглощающий все остальное. Как море, которое выносит на берег осколки ракушек и останки кораблей. Но оно море.

– 16 –

В комитет комсомола влетела взбудораженная Ольга:

— Вот гад! Видите ли, он на концерт со мной идти не может! У него жена! Вот новость!

Лара картинно закатила глаза, встала из-за стола, обошла его и села на стол напротив Ольги.

— А ты не знала?

— Ой, вот не надо! Ты знаешь, о чем я! — отмахнулась Ольга.

— Вместо Саньки на концерт с тобой пойду я,— радостно сообщила подруге Лара.

— Ну да, а что еще остается,— Ольга направилась к выходу.— До вечера.

В конце рабочего дня во дворце культуры начался общезаводской смотр патриотической песни. Зал полон. На сцене, сменяя друг друга, выступают самодеятельные таланты. Лара поет в составе группы комсомольцев из семи человек. «Мы молоды и снова мы к подвигу готовы», летит в зал со сцены. Люди в зале подпевают, аплодируют. Жюри конкурса расположилось в первом ряду зрительного зала. Председательствует парторг завода.

После смотра все остаются на концерт популярной группы «Веселые ребята». В зале Лара садится рядом с Ольгой. Ольга шепчет Ларе:

— Хочу автограф!

Лара в ответ:

— Каак?

— Ты же комсомольский вожак, тире волшебник,— не унимается Ольга.

— Ладно, попробуем.

После концерта они проталкиваются к сцене, спускаются по лестнице вниз. Ольга открывает дверь в гримерку с сияющей улыбкой:

— Здравствуйте!

Из гримерки раздаются голоса:

— О, девочки! Заходите!

Ольга смело входит. За ней Лара. Красавчик — солист сидит на стуле, закинув ноги на гримерный стол. Оценивающе их оглядывает:

— Девочки, вы любите музыку?

Ольга подходит к каждому из музыкантов по очереди и дает им блокнот и ручку для автографа. Они улыбаются, расписываются в ее блокноте. Лара столбом стоит в дверях. Солист продолжает:

— А под музыку любите?

Ларе кажется, что она краснеет. Ольга уже направляется в сторону солиста, и он вальяжно добавляет:

— Ну давай я дам тебе автограф, а ты...

Ольга проходит мимо него к двери и перебивает поп-небожителя:

— А ваш-то мне и не нужен.

Они чинно выходят и слышат за спинами дружный хохот. Кто-то из музыкантов говорит:

— Вот она тебя сделала! Молодец, герла!

— Ты ж хотела его автограф,— тихо сказала Лара подруге.

— Да пошел он! — Ольга сложила блокнот и ручку в сумочку.— Кому показывать? Тебе? Так ты и так все видела!

Подруги засмеялись и заторопились в гардероб.

— 17 —

— Жизнь любой комсомольской организации во многом зависит от того, как работает комсорг,— Лара говорила с трибуны уверенно, бросая строгие взгляды в зал. Заводское партийное собрание всегда уделяло время докладу комсомольцев. Сегодня в докладе Лара бичевала прогульщиков, выпивох и не усердных комсоргов некоторых цехов и отделов. Легко апеллировала материалами двадцать седьмого съезда партии. Когда она закончила свою пламенную речь словами «Требование времени — перестроить стиль работы, проявив при этом активность», зал заплодировал. Лара села в президиум на сцене вместе с парторгом и секретарем райкома партии. Через два часа уже все участники собрания смотрели в этом же зале новое кино под названием «Асса». Перед началом сеанса искусствовед уточняла пороки героев.

Ольга догнала Лару на выходе из дворца культуры и зашептала ей на ухо:

— Мне наша подружка Милица письмо прислала! Красивущую ручку шариковую и жевачку!

Лара повернулась к Ольге:

— А что она пишет про Мио? Они поженились?

— Как бы не так! Милица бросила Мио и теперь выходит замуж за миллионера-капиталиста!

— Тише ты,— одернула подругу Лара.— Пойдем уже прогуляемся, и ты мне все расскажешь.

Они отправились пешком до следующей остановки, и Ольга взахлеб рассказывала новости из письма Милицы. Лара слушала ее вполуха, вспоминая Мио на Солнечном берегу. Как жаль, что она никогда не сможет больше увидеть его. Ольга дергала подругу за рукав:

— Кончай грезить! Слушай внимательно. Я узнала у секретарши в райкоме комсомола, что нам на завод выделяют пять путевок в Чехословакию!

— И что?

— Ты совсем не соображаешь! Это твой шанс встретиться с Мио! В Чехословакии! Понимаешь?

— Угу. А ты понимаешь, что ничего не понимаешь,— Лара картинно закатила глаза.— Как он узнает, что я его там хожу и жду?

— Вопрос...— задумалась Ольга.— Может, через Милицу? Он же ей уже и не нужен.

— Типа, передай своего парня мне, раз ты нашла другого?

— Ну да. А что тут такого? Хочешь, я напишу ей?

— Не выдумывай! Вон лучше в кафе-мороженое зайдём.

Лара с Ольгой заказали по вазочке мороженого. Ольга хитро посмотрела на Лару:

— Может, по шампусику?

— Ешь мороженое. Сегодня без шампусика.

В тишине пустого кафе они съели мороженое из металлических, на длинных ножках вазочек и вышли на улицу. Когда Лара садилась в подошедший автобус, она обернулась и сказала Ольге:

— Напиши ей мой адрес для Мио.

Ольга радостно кивала и махала ей вслед рукой.

— 18 —

Милица смотрела на Мио и не испытывала никаких эмоций. Теперь он ей никто. Просто парень. Просто человек. Она выходит замуж за самого прекрасного, за самого фантастического мужчину на земле. Она уезжает к нему навсегда. Она смотрит на Мио, как и на многих людей, проходящих мимо нее в жизни.

— Деньги,— вздохнул Мио,— конечно, деньги. Милая, но деньги — это не сама жизнь. Динар ничто в сравнении с твоей улыбкой.

Милица пожала плечами и ответила:

— Моя улыбка стоит не один динар. И я люблю его не за деньги. Он подарил мне мир, счастье петь. А не искать музыкантов, не уговаривать организаторов. Он подарил мне возможность думать о более приятных вещах. Понимаешь? Я хочу думать о моде, о счастье, а не о динарах.

Мио пошел прочь по улице, по которой они когда-то любили бродить, взявшись за руки, целоваться под каштанами на этой улице и пить кофе в уличных кафе. Он уходил от ее слов, а не от нее. От нее он не сможет уйти. Никогда. Так думал Мио и вечером, и еще много следующих дней. Пока не раздался звонок телефона в его квартире.

— Мио? — звучал в трубке звонкий счастливый девичий голос.

— Да, я Мио,— в замешательство отвечал он.

— Это я, Лара! Я приехала в Прагу! Ты сможешь приехать сюда?

— Лара? Здравствуй Лара! — Мио вспомнил эту хрупкую русскую девушку со стальным характером, которая любила целоваться.— Я приеду! — спешно добавил Мио.

Лара назвала ему отель, в котором остановилась их туристическая группа.

Они встретились на следующий день на Карловом мосту. И это было как сон наяву. Они делали вид, что любят Влтавой, а сами внимательно прислушивались к прикосновениям, к словам. Он ни разу за этот день не вспомнил Милицу. Он смотрел на Лару и верил, что перед ним его счастье. Невозможное счастье. Она уедет в Россию через неделю. И он вряд ли увидит ее еще раз. Он искал выход. Искал возможность быть вместе. И не находил. А вечером в его отельный номер позвонила Милица и спросила:

— Ты встретился с этой русской девушкой?

— Да, — без колебаний ответил Мио.

— Мой будущий муж имеет контракт в России на поставку и монтаж оборудования для газопровода. Поедешь туда работать? Мой жених готов оказать тебе всяческое содействие.

— Да! — Мио уже просто кричал в трубку, что он согласен.

Он ворочался всю ночь. Сон не шел к нему. Он видел лицо Лары. Прекрасное. Он благодарил Милицу и ее будущего мужа, который совсем недавно был его соперником. Он не знал ничего про Россию, про этот газопровод, про оформление документов. Он был готов ко всему. Такова любовь. Лара увидела его красные глаза.

— Ты не спал?

— Нет, милая. Я думал о тебе. Я думал о нас.

— Про то, что у наших отношений нет будущего? — грустно спросила Лара.

— Теперь это будущее у нас есть! Я скоро приеду к тебе в Россию. Работать по контракту! — возбужденно говорил ей Мио, целуя ее пальцы.

— Это невозможно? — удивилась Лара.

— Никогда нет ничего невозможного для того, кто любит! Верь мне, девочка! И я сделаю тебя счастливой! — запальчиво заверял Лару Мио. Потом они ели огромные картофельные драники и пили янтарное пиво в ресторанчике под мостом, на берегу Влтавы. Реки, которая видела на своем веку множество счастливых встреч и грустных расставаний.

— 19 —

Милица после концерта с местной почты звонила домой и сестра плакала в трубку, когда говорила, что отца больше нет. Его застрелили на митинге в Белграде. Вместе с предводителем «Красных тигров» Милошем Иветовичем. Милица сидела у телефона, положив трубку на колени, горько плакала. На похоронах отца она впервые встретила с молодой певицей Радиславой, теперь молодой вдовой отважного Милоша. Их хоронили с воинскими почестями, которые переросли в стихийный митинг. И наутро по телевидению все смотрели кадры обстрела боснийских городов. Убийство ее отца и Милоша Иветовича стали последней точкой терпения сербского народа.

Она помнила, как восемнадцатилетней девушкой ездила с отцом и сестрой в Сараево помогать расчищать снег на олимпийских объектах. Много людей со всей Югославии съезжалось сюда, чтобы всем миром помочь сделать эту олимпиаду лучшей. И никто в ту пору не мог и представить, что все эти прекрасные спортивные комплексы, арены, новые отели разрушит безжалостная рука войны. Заберет тысячи невинных жизней по обе стороны баррикад. Развалившаяся федерация была бы похожа на рассыпанные бусы, если бы не рванула, словно кровавый фейерверк, на множественные осколки. И имя этой кровавой руке — национализм. Мир хотел предотвратить и изобретал эсперанто. Но каждый по-прежнему хотел говорить на родном языке. Так словенский спортсмен нес флаг Югославии на открытии олимпиады, а приветственную речь говорил не на официальном языке страны, а на своем родном словенском. Почему? Ответ прогремел через восемь лет. Началась Боснийская война и осада олимпийского Сараево. Национализм — словно снежный ком, который катился и увеличивался в размерах, крушил все на своем пути. Снежный ком возвеличенного национализма. Мир в одночасье утратил человеческое лицо, явив всем оскал бесчеловечности.

На похоронах отца Милица шла рядом с Радиславой. Красивая, уверенная в себе девушка. Такой и она была в ее возрасте. Но было в Радиславе еще что-то очень харизматичное. Милица слышала много разных разговоров о финансовых аферах при покупке гандбольного клуба ее мужем. Конечно же, партия сербского единства помогла в организации похорон и ее отца. Радислава, несмотря на молодость, почетный

председатель этой партии. Милица всегда уважала женщин, которые могли и умели что-то еще, кроме красоты и вокала. Если бы не разница в возрасте, возможно, они стали бы подругами.

Радислава повернулась к Милице и спросила:

— Мы сможем выпить вместе кофе завтра?

– 20 –

Сегодня комсомольцы завода едут собирать свеклу. В крытой грузовой машине тесно, все подпрыгивают на ухабах сельских дорог. Лара придерживает цветную сетку с термосом и бутербродами. Этот набор, состоящий из термоса с горячим чаем и бутербродов, есть у каждого. Выдергивать свеклу в тягучей полевой грязи под осенним дождем работа малоприятная. А вот перерыв с чаем и бутербродами, с шутками и анекдотами — это самая приятная часть программы помощи сельскому населению в уборке урожая. В конце дня рядом с термосами в сетки набивалась колхозная свекла. Натурпродукт был бонусом к тяжелой физической работе на холоде. Лара вместе с колхозным агрономом определила объем работы. Вокруг сыпались шутки в стиле «от забора и до обеда». На всех городских работниках были резиновые сапоги и штормовки или болоньевые куртки. В поле дул сильный ветер. Перчатки резиновые одевали на шерстяные и сноровисто собирали свеклу в тарные ящики. Лара периодически покрикивала на тех, кто пытался отлынивать от работы. Все вздыхали и продолжали собирать свеклу. Чай пили здесь же на мокрой траве. Кое-кто прихватил с собой фляжки спирта с завода. Плескали по глотку в крышки от термосов, залпом выпивали и сюда же наливали чай. Лара сама пила только чай и делала вид, что не видит фляжки. Ольга же глотнула спирта, поморщилась и замахала у рта руками.

— А ты че хотела? Говна в Советском Союзе не делают! — хамовато подбодрил ее кто-то из мужчин.

Ольга демонстративно не подходила к Сане, хотя Яна с ними не поехала. В конце месяца на заводе всегда аврал. Цеха гонят план. Поэтому едут только инженерно-технические работники.

Пока ждали машину в обратный путь, пели хором песни. Ольга горланила громче всех и Ларе было понятно, что сей сольник исключительного для скучающего в сторонке Саньки.

Лара смеялась над Ольгиным вокалом и хлопала громко, когда та заканчивала одну песню и переходила к другой. Мужики уже не стеснясь пили спирт, занюхивая его рукавами штормовок вместо закуски. Анекдоты становились ниже пояса. Лара вздохнула с облегчением, увидев у кромки поля движущийся к ним грузовик.

— Товарищи! Собираемся! Не забываем вещи!

Все затолпились у двери кузова, помогая женщинам подняться, затем ловко прыгали через борт. Саня запрыгнул последним и сел между Ольгой и Ларой.

— С чего это? — повернулась к нему Ольга.

— Да ладно тебе!

Он приобнял Ольгу. Лара делала вид, что ничего не происходит. Расставаясь у грузовика, Лара бросила Ольге через плечо:

— Позвони мне вечером!

И Ольга потащила вечером к телефону-автомату, потому что разговаривать при родителях с Ларой не хотелось. Она знала, что подруга снова будет корить ее за Саню.

— Не может быть! Какие танки?! — взволнованно кричала Ольга в трубку телефона-автомата.

— Оля, в Москве у Белого дома танки! — говорила ей в трубку Лара. — В нашей стране переворот!

— Ой, Ларчик, что же с нами теперь будет? — испуганно пискнула Ольга.

— Не знаю. Сегодня наш секретарь райкома вернулся оттуда из командировки. Так он в шоке. Кругом демонстрации, митинги! Ты можешь себе представить?

— Неет,— прошептала Ольга.

— Он говорит, что к нему бабка на улице подошла и как стала кричать: «Интеллигент! А хлеб где?» Ты можешь себе представить?

— Неет,— снова прошептала в трубку Ольга.

— Не забудь, завтра с утра в Красном уголке политинформация. К нам придет секретарь райкома. Не опаздывай,— строго завершила разговор Лара.

— Как опоздать то,— вешая трубку на рычаг, шептала Ольга. У кабины телефона-автомата скопилось небольшая очередь из трех человек. Стоящая первой дородная тетка в красном вязанном берете фыркнула на Ольгу:

— С полюбовниками все не наговорятся!

Ольга обернулась к ней:

— Тетя, какие полюбовники? В стране переворот!

Тетка, заходя в кабину, ответила:

— Вот из-за таких распущенных и страну перевернули!

Дверь за теткой закрылась. Ольга пошла к дому, зябко кутаясь в наспех накинутый плащ.

— 21 —

Радислава шла по брусчатке столичной мостовой уверенно. Высокий тонкий каблук делал ее ноги бесконечными. Милица поставила чашку с кофе со следом своей вишневой помады.

— Здравствуйте, мадам Милица,— Радислава села за столик напротив нее.

— Кофе?— спросила Милица, собираясь позвать официанта.

— Нет, дорогая, я пью только горячий шоколад,— Радислава элегантно махнула официанту. Тонкие, но дорогие браслеты поблескивали на ее запястье. Черная кожаная куртка на черном шелковом платье выше колен. На шее массивный крест на массивной цепочке. Милица знала по слухам, что «Красные тигры» занимаются не совсем законным бизнесом, прикрываясь борьбой за свободу. Продолжатели дела легендарного Че Гевары не святым духом питались. В собственности у покойного мужа Радиславы была целая гандбольная команда и это кафе, в котором они сейчас сидели.

— Я твоя поклонница,— начала Радислава, сделав заказ.

Милица смотрела на нее и улыбалась:

— Добавь еще, что ты выросла на моих песнях.

Они обе рассмеялись.

— Так чего ты хочешь? — перешла к делу Милица.

— Ты снова уедешь в Вену, а я останусь здесь. Я всегда здесь. И в войне, и в мире. Мой муж погиб за свободу нашей с тобой родины,— пафосно заговорила Радислава,— Ты, наверное, слышала, что наша семья владеет гандбольным клубом? Так вот, я намерена его продать. Дорого. Твоему мужу.

Милица рассмеялась:

— Наша семья не ведет спортивный бизнес. Только концертный и телевизионный.

— Ты меня не поняла. Я продаю команду твоему супругу. Дорого. А эти деньги пойдут на отстаивание интересов нашего народа.

— Мой муж хорват. И он отстаивает интересы нашей семьи. Он космополит.

— А ты?

— Раскол Югославии — это моя боль. Шрам на всей моей жизни. Только всепрощение и любовь спасут всех нас,— печально ответила Милица.

— Ты неверно толкуешь Библию,— ответила Радислава, вставая из-за стола.— И ты предала свой народ.

Радислава не сказала ей «до свидания». Она просто пошла прочь от кафе по

брусчатке так же уверенно. Милица задумчиво смотрела ей вслед. Нет, она была другой в ее возрасте семь лет назад. Она была занята мужем и детьми. Она была счастлива. Впрочем, как и сейчас. Была ли Радислава счастлива с отчаянным парнем из «Красных тигров»?

Вечером в поезде на Вену она читала свежие газеты. Первая полоса словенской «Катедра» писала о домашнем аресте Радиславы из-за финансовых махинаций при покупке гандбольной команды.

Милица отложила газеты и смотрела в окно на мелькающие пролеты моста через Дунай. Вспомнила, как пела несколько лет тому назад с веселыми русскими туристами песню про Дунай. Вспомнила Мио. Как сложилась его судьба? Мост закончился, в окне полотном скользили пригороды Белграда, домики сел, поля. «Если бы я осталась с Мио, мы бы тоже были в рядах «Красных тигров»,— так думала Милица.— «И какое счастье, что этого не случилось».

– 22 –

Ольга с Ларой шли из кинотеатра по вечерней улице. Свет фонарей выхватывал снежинки предновогоднего снегопада.

— Теперь ты можешь поехать к нему! — уверенно говорила Ольга.— Все! Нет границ! Демократия!

Лара горько усмехнулась:

— Куда к нему? Я не знаю, где он живет. Я ничего не знаю о нем. В Югославии идет война. Бывает, что мечты не сбываются, подруга.

Ольга натянула шарф на подбородок. Мороз к ночи крепчал.

— Да... война. Какой ужас!— Согласилась Ольга.— Я напишу Милице письмо.

Новый год они встречали вместе. Заказали столик в ресторане. Пили шампанское, танцевали. Катались с ледяной горки на площади перед рестораном. Заливисто смеялись, стряхивая снег с пальто друг друга. Под утро разошлись по домам.

А через час ей звонила Ольга:

— Ларчик, ты только не плачь!

Лара аж подпрыгнула:

— Что случилось?!

— Я смотрела новости по телевизору и видела Мио!

Лара выдохнула:

— Не говори глупости!

А Ольга всхлипнула в трубке:

— Я видела... как его убили.

— Говори же ты ясней! — кричала Лара.

— В новостях показывали репортаж из Югославии. Война. Его показали крупным планом. Как он упал убитый...

Лара не знала, что и думать. Ольга фантазерка и это был не Мио. Почему? Он вполне мог воевать. Это его страна. Лара не уснула до утра. А когда заснула, видела во сне море, наполненное солнцем, и слышала голос, который шептал ей: «Прощай, милая».

– 23 –

Туристическую путевку в Белград Лара купила не так уж и дорого. Хотя ориентироваться в нынешних миллионах было сложновато. В самолете она сидела рядом с миловидной дамой, которая вспоминала, как в советское время, будучи студенткой Политеха ездила в стройотряд в Югославию:

— Кроме нас в лагере стояли отряды из Черногории, Сербии, Македонии, Словении, Хорватии, Албании и Польши. Утром мы работали до одиннадцати, а потом

после сиесты пели, танцевали, играли в карты, путешествовали по окрестностям Загреба. Какое-то бесконечное ощущение праздника, несмотря на жару и отсутствие удобств в наших бараках. Моя подруга сербка Фахрета очень увлекалась хиромантией и заглядывала по рукам в наше будущее. И почему то у всех наших боснийских друзей — мужчин линия жизни обрывалась очень рано. Мы тогда решили, что хиромантия это полная ерунда. А через три года началась война...

— А вы сейчас зачем туда летите? — спросила собеседницу Лара.

— Той подруге своей Фахрете помочь еду. Она боснийка. Вышла замуж за серба. Помогу ей переезжать на юг. Устали они от неустроенности. Бояться устали. Детки у нее.

— А виза? Разве за неделю можно успеть? — любопытствовала Лара, потому что у нее тоже была семидневная виза.

— Бог с ней, с визой! Назад все равно пустят,— махнула рукой женщина.— А ты будешь наслаждаться красотами Сербии?

Лара помялась и промямлила:

— Я жениха еду искать. Моя подруга в новостях видела, что он погиб. А я не верю. Может ранили. Или не он.

— Жених твой доброволец из России?

— Нет. Серб.

— Сложно...— задумчиво вздохнула соседка.— Поедем со мной в Вышеград! Моя подруга и ее муж помогут тебе. Одна-то ты как?

Лара с видимым облегчением выдохнула:

— Спасибо! А то у меня и плана не было четкого. Куда, как ехать.

– 24 –

Попутчицу Лары звали Надеждой. И для Лары ее имя стало символичным. В аэропорту они взяли такси и поехали в сторону Вышеграда. Мимо пролетали холмы и поля Шумадии, аккуратные города и поселки. Меж тем, равнины сменились горами. Проехали Ужицу и за стеклами замелькали туннели, обрывы, горные озера и монастыри. Леса были еще в зелени, хотя в России всю шел снег. Картины достатка и мирного спокойствия впервые нарушил пограничный контроль на Боснийской границе. Несколько мужчин с карабинами, в зеленых шинелях стояли у шлагбаума. За КПП пошли совсем иные картины: сожжены дома и целые села. Следы пуль на стенах, полное безлюдье.

Лара поежилась:

— Это война?

Надежда не успела ответить, как водитель сказал:

— Сами виноваты.

Они обе удивленно посмотрели на него. Но водитель молчал. Машина остановилась у большого аккуратного дома. Из калитки выбежала необыкновенно красивая длинноволосая блондинка и бросилась к Надежде на шею. Они обнимались, чмокали друг друга. Наконец обе обернулись к Ларе.

— Фахрета, познакомься, это Лара. Мы познакомимся с ней в самолете.

Фахрета протянула Ларе руку и Лара непривычно пожала ее.

— Здравствуй! Я Фахрета Ячич, певица! Я боснийка, а мой муж серб. Но война здесь стала возможной между боснийцами и сербами. Мои родители были мусульманами. Мои брат и сестра мусульмане. А я приняла христианство, потому что мой муж православный.

Она говорила быстро, напористо, но с вселенской грустью.

— Пойдем в дом!

С ними вышли поздороваться четверо детей Фахреты.

— А где Петран? — спросила хозяйку Надежда.

— Здесь ему быть опасно. Он будет ждать нас завтра в Вышеграде. Я писала тебе, что мы переезжаем в Нови-Козьяк, подальше отсюда. Это глушь, и о концертах пока придется забыть.

Лара удивленно посмотрела на Фахрету. Надежда и Фахрета рассмеялись.

— Фахрета Ячич известнейшая боснийская певица! — пояснила Надежда.

Потом они сидели за столом, ели тефтельки в соусе, выпили по стаканчику раки и закусили вяленой козлятиной. Ларе все показалось очень вкусным и острым. Надежда рассказала Фахрете про цель Лариной поездки.

— А в каком городе он жил?

— В Белграде.

— Милица давно живет в Вене с мужем. У нее двое детей. Но она часто приезжает сюда с концертами. Я даже разок пела с ней в одном сборном концерте,— рассказывала Фахрета.

Вскоре стали собираться. С наступлением темноты ездить здесь опасно.

— А где ваши вещи? — оглядела комнату Надежда.

— Я почти все уже перевезла. А с детьми ехать одной боязно. Не за себя. За них,— Фахрета нежно посмотрела на притихших малышей.

У машины, когда хозяйка ушла в дом за вещами, Лара спросила Надежду, неужели она прилетела сюда только за тем, чтобы доехать с Фахретой и ее детьми отсюда до Белграда.

— Год назад здесь у Фахреты похитили сына. Попросили огромный выкуп. Фахрета с Петраном отдали тогда все, что она заработала на эстраде. И этот дом теперь тоже уже не ее. Они оформляют рабочие визы в Америку. А пока поживут в Белграде. Там безопаснее.

— Господи! Как в средние века на Востоке, а не в Центре Европы в двадцатом веке! — ужаснулась Лара.

— А у нас? — хмыкнула Надежда.— Бандиты, рекетиры. Жить и у нас страшно теперь.

Лара согласно кивнула.

— 25 —

Через два дня они приехали в Белград. Фахрета договорилась со своей коллегой по сцене о встрече. Ее покойный муж участвовал в боях Боснийской войны и, может быть, она что-то слышала о Мио.

Радислава царственно их оглядела, снисходительно поздоровалась и, повесив сумочку на ручку стула, элегантно воссела. По другому это и не описать. Лара с Надеждой были очень смущены видом этой шикарной женщины.

— Радислава, моя русская подруга разыскивает своего сербского жениха. Он воевал с твоим мужем в «Красных тиграх». Его зовут Миодраг. Ты ничего не слышала об этом человеке? Подруга говорит, что он молодой и красивый.

Лара покраснела. Радислава без стеснения разглядывала Лару. Надменно улыбнулась:

— Что он в тебе нашел после Милицы? Хотя... Если бы она его любила, то тебе он бы уж точно не достался.

Радислава изящно достала сигарету из красивой, явно американского производства, пачки и продолжила:

— Но он не достался никому. Его застрелили муслики в Сараево.

Фахрета напряглась при слове «муслики».

— Он был настоящим сербом и погиб как герой,— Радислава закурила.

Все замолчали, лишь Лара всхлипывала и слезы катились по ее щекам. Надежда обняла ее за плечи и ласково гладила по волосам.

Радислава оглядела своих собеседниц:
— Есть еще вопросы?
Они отрицательно мотнули головами.
— Ну тогда я пошла. Прощайте!
Она удалилась также, как и пришла: эффектно и легко.
— Мне пора возвращаться,— всхлипнула Лара.
— И мне,— как эхо отозвалась Надежда.
— Спасибо вам, другарки, за помощь,— теперь слезы блестели уже и в глазах Фахреты.

– 26 –

Аэропорт в Белграде только в непогоду становится многолюдным. Сегодня же погода летняя, солнце во всех огромных окнах аэропорта. Лара бесцельно бродит среди немногочисленных магазинчиков дьютифри. В парфюмерном бутике красивая ярко одетая женщина выбирает духи. Все продавцы окружили ее. Лара узнала в ней Милицу.

— Милица! Здравствуйте! Вы меня узнаете? — Лара спешит к ней.

Милица повернулась в сторону Лары, разулыбалась и, обращаясь к продавцам, сказала:

— Несколько лет тому назад эта русская красавица увела у меня парня!

Милица смеялась заразительно. «Как Мио»,— подумала Лара, а вслух сказала:

— Он погиб...

Милица перестала смеяться и удивленно вздернула брови.

— Его убили в Боснии,— пояснила Лара.

— Кто сказал тебе такую чушь?! Он давно работает в России по контракту! Ты разве не знала?

— Нет...

— Пойдем, выпьем кофе и поболтаем немного. На мой рейс в Вену скоро объявят посадку.

Лара не чуяла под собой ног. Она смотрела на Милицу во все глаза.

— Не могу сказать, что я рада тебя видеть, но в память о моих отношениях с Мио,— не совсем галантно начала Милица.

Да Ларе было глубоко плевать на ее отношение к ней. Важно узнать правду о судьбе прекрасного Мио.

— Радислава — подлая змея. Такая же, как и ее покойный супруг. Два сапога пара. Бандиты с большой дороги,— не скупилась на эпитеты Милица, после того, как Лара рассказала ей о своей поездке. Она отхлебнула ароматный кофе и, поставив чашку на стол, продолжала:

— Мой муж дал ему работу в России. Он в Сибири строит газопровод. Я спрошу у мужа контакты и пришлю для тебя Ольге. Как она с тобой дружит? Ты плохая другарка. Не сердись, но я честный человек и не умею лгать.

Объявили посадку на самолет в Вену. Милица заторопилась и сказала Ларе вместо прощальных слов:

— Спасибо за информацию о Фахрете Ячич! Я организую концерт для благотворителей в ее поддержку. Она талантливая певица.

Лара сидела за столиком с остывшим кофе и смотрела вслед Милице. Эта женщина вернула ей жажду жизни в очередной раз.

